

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 106, июль 2023

Хроники Шёлкового пути

ПОРТСМУТ И КИЕВ

В 1905 году президент США Теодор Рузвельт старался сдержать кризис империалистического порядка, однако объективно одной из движущих сил этого кризиса были сами Соединённые Штаты.

Благодаря захвату Филиппин, ранее находившихся под испанским владычеством, США стали тихоокеанской державой. Пьер Ренувен в книге *“La question d’Extrême-Orient”* (1946) пишет, что крупные американские группы сперва игнорировали шаги «империалистов» Рузвельта, но изменили свой курс в связи с открытием новых путей экспансии в Азии.

Между тем в Азии державы разбудили Японию, которая пошла по пути модернизации. В 1895 году Страна восходящего солнца заявила о себе, в 1905 году она уже стала потенциальным «конкурентом» западных держав. Позднее Токио обратит свой взор и на южные моря, сформулирует «азиатскую доктрину Монро» – в более ясной форме она будет представлена в 1930-е годы, – однако основным направлением экспансии станет Китай. Формирующийся японский империализм должен был столкнуться в Азии с другими державами, интересами там собственные интересы.

В конце 1904 года Рузвельт предложил посредничество в русско-японской войне, к чему были расположены обе стороны. Японскому правительству пришлось бы залезть в долги, чтобы продолжать войну, к тому же оно опасалось реакции других держав на свою экспансию в Маньчжурии – в 1895 году Россия, Франция и Германия заставили Японию отказаться от части своих приобретений в Китае. Русский царизм к переговорам подтолкнули внутренняя ситуация и немецкое давление.

Токио в консорциуме Каутского

В Портсмуте Япония получила «свободу действий» в Корее и российские права в Маньчжурии, но обязалась уважать суверенитет Китая. Американские группы, в некоторой мере заинтересованные в маньчжурском рынке, опасались, что Токио выкроит себе «экссклюзивную сферу» влияния и будет угрожать «открытым дверям». В США призрак японской конкуренции усилился вслед за враждебными действиями штата Калифорния против японской иммиграции, которые получили поддержку профсоюзов. Посредничество 1905 года в действительности отражает восхождение двух держав в Азии – японской и американской.

В 1907 году, пишет Ренувен, запуск Рузвельтом миссии Великого белого флота как акт сдерживания был «предупреждением» в первую очередь Токио, а затем уже Лондону. Великобритания, получившая двух новых конкурентов в Азии и столкнувшаяся с вызовом со стороны Германии, продлила англо-японский договор в 1911 году с условием, что союз не заставит её вступить в возможную войну против США. Правда, Япония в этом пока не нуждалась: великие державы «пригласили» её к совместному разделу Азии и признали, что она может быть посредником.

Показательно, что Токио вошёл в состав международного банковского консорци-

ума, который в 1912 году сформировали державы с намерением «развивать» Китай. Карл Каутский приводил консорциум в числе доказательств существования ультраимпериализма, воображая различия между якобы мирным союзом международного финансового капитала и военными методами империализма. Однако эти умствования имели действительную базу в противостоянии между фракциями капитала в Европе, где служили обоснованием одной из линий внешней политики буржуазии.

Расхождение и взаимопроникновение между расколом и единством

Условия иностранного финансирования железнодорожных проектов династии Цин послужили одной из искр, что разожгли пламя китайской революции. В 1912 году Франция предложила новый консорциум, чтобы передоговориться об условиях сделки с пришедшими к власти китайскими националистами. Ренувен пишет, что Париж призвал державы положить конец «безудержной конкуренции» и политике «зон влияния» и получил поддержку Великобритании, Соединённых Штатов и Японии, присоединившихся к консорциуму. Отметим, что и Токио теперь перешёл к политике «открытых дверей».

Германия не соглашалась с японским участием. Россия боялась, что державы вспомнят о проекте интернационализации железных дорог Маньчжурии, который бал заброшен в 1909 году после смерти его промоутера американского магната Эдварда Харримана. Впоследствии Москва согласилась участвовать в обмен на гарантию неприкосновенности маньчжурских железных дорог. Интеримпериалистический консорциум родился в июне 1912 года. Первая мировая война отодвинула его на задний план, затем в иных корреляциях к нему вернулся Сунь Ятсен, наконец, после второй мировой пыль с него стряхнули социал-империалистические фракции китайского государственного капитализма. Действительно, как отвечал Ленин Каутскому, формы сделок и борьбы – «сегодня мирной, завтра немирной, послезавтра опять немирной»¹ – неотделимы друг от друга на империалистической стадии. Так и линии баланса, которые должны были поддерживать равновесие в Азии через включение новой японской державы и дипломатическое утверждение американской, перетекут в катастрофический слом порядка. Это только на первый взгляд кажется парадоксальным.

Буржуазия двигается на ощупь в вековом преобразовании

Опытная дипломатка, бывший посол в Великобритании и председатель комиссии по иностранным делам во Всекитайском собрании народных представителей Фу Ин пишет, что переход мирового первенства от Британской Империи к Соединённым Штатам произошёл достаточно мирно (sic!) «с помощью» двух мировых войн. Изменения сопоставимого масштаба происходят век спустя, но на

этот раз Китай является их мотором, а не пирогом для раздела.

В книге «Смотреть на мир» (т. 2, Пекин, 2022) она излагает свои размышления о диалектике мира и войны в «вековом преобразовании», осуществляемом Драконом. Прежде чем восстановится многополярное равновесие, «мир на ощупь пройдёт через переходный период» – двадцатилетнюю фазу, полную возможностей, неясностей и рисков войны.

Среди факторов «стратегического шанса» для Китая, который открылся в первые два десятилетия XXI века, числится франко-немецкая оппозиция войне в Ираке 2003 года: Америка фактически не могла рассчитывать на Европу в сдерживании китайского восхождения, но и Китай не мог «окончательно бросить вызов» первой мировой державе. Пекин нуждается в «продлении периода стратегического шанса» ещё на два десятилетия, но 30-е и 40-е годы будут наиболее сложными – хотя Дракон и «выбрал» подтверждение

поддержки глобализации, – и может случиться «коллизия между старыми и новыми концепциями безопасности» в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Задержать войну, продолжить восхождение

Фу Ин цитирует «Сомнамбулы» Кристофера Кларка, реконструируя противоречия, которые накопились во взаимных расчётах государственных центров принятия решений «в течение десятилетия перед первой мировой войной». Её интересует то, «каким образом» складывается «ситуация», приводящая к войне. Она описывает аналогию с бильярдом: по мере движения складывается всё менее предсказуемая расстановка сил. По мнению китайского посла, существует негласное стремление считать Китай следящей «азиатской сомнамбулой».

(Продолжение статьи на стр 8)

Содержание

Хроники Шёлкового пути	
ПОРТСМУТ И КИЕВ.....	стр. 1
Военная промышленность и европейская оборона	
Истребитель шестого поколения и сражение вокруг снарядов.....	стр. 2
Рецензии	
Загадка Zeitenwende.....	стр. 3
Российские хроники	
Централизация насилия.....	стр. 4
Крупные группы российского империализма	
Свидетель возрождения и стагнации экономики “новой России”.....	стр. 5
Франция: Сопrotивление побеждённого империализма.....	стр. 6
Страницы истории рабочего движения	
Съезд в Готе.....	стр. 7
Издательская новинка	
Растущая сила класса.....	стр. 8
Мировое сражение в автотроме	
Травма электрификации.....	стр. 9
Немецкий вопрос и европейское единство.....	стр. 10
Партия Неру и Индиры Ганди в дилеммах федерализма.....	стр. 11
Сражение в телекоммуникациях	
Apple изменяет цепочки поставок в Азии.....	стр. 12
Мировое сражение в контейнерных перевозках	
Монополии и конкуренция в открытом море.....	стр. 13
Международные миграции	
Поколения иммигрантов в Италии.....	стр. 14
На пути из Гарбателлы к Рейну?.....	стр. 15
Атом и индустриализация науки	
Атомное соперничество между союзниками.....	стр. 16

Парижский наблюдательный пункт

Дозированные интервенции в защиту мультилатерализма.....	стр. I
Традиции и актуальность коалиции статус-кво.....	стр. II
Пенсионная реформа и военное лидерство.....	стр. III
Демографический закон общества империалистической зрелости во Франции.....	стр. IV

Военная промышленность и европейская оборона

Истребитель шестого поколения и сражение вокруг снарядов

Российская агрессия против Украины и растущая напористость Китая в Азии, по мнению *Financial Times*, перечёркивают дивиденды мира, которые были характерны для последней четверти века. Идущие сейчас войны также показывают, что высокотехнологичные и дорогостоящие системы вооружений должны дополняться более традиционными средствами, артиллерией и «сапогами на земле». «Быть готовым к любым обстоятельствам, таким образом, означает оснастить себя огромным набором средств и промышленной базой для их поддержки. [...] В конце 1980-х годов сокращение военных расходов помогло европейцам улучшить благосостояние без повышения налогов. Сейчас правительства едва начали объяснять гражданам последствия нового перевооружения» (27 марта).

Речь идёт о перевооружении по всем направлениям, пишет газета Сити сразу после заключения британцами двух важных соглашений: о запуске программы GCAP (Global Combat Air Programme) – разработке истребителя шестого поколения (6G) совместно с Японией и Италией – и практическом начале реализации схемы AUKUS, т. е. совместных с США поставок атомных подводных лодок для ВМС Австралии.

Три фазы

В середине марта на военной базе в Сан-Диего, Калифорния, состоялась встреча Джо Байдена, премьер-министра Великобритании Риши Сунака и премьер-министра Австралии Энтони Альбанезе. Они поставили подписи под 20-летним планом по реализации пакта, заключённого 18 месяцев назад (см. «Пролетарский интернационализм» за ноябрь 2021 года).

Первый шаг состоит в том, что с 2027 года на базе в Перте (Западная Австралия) на ротационной основе будут находиться несколько американских атомных ударных подводных лодок класса Virginia и британских Astute. В рамках американской классификации они относятся к классу SSN, судов, не вооружённых ядерными баллистическими ракетами. Их пребывание, кроме прочего, послужит для обучения офицеров, матросов и техников Королевского австралийского флота (RAN), что является необходимым этапом перед следующим шагом.

Начиная с 2032 года США продадут Канберре пять подводных лодок класса Virginia, в то время как совместные исследования британских и австралийских инженеров по проектированию новой SSN, которая пока носит название AUKUS, начнутся немедленно. Подводные лодки будут строиться на британских и австралийских верфях, но технологии запуска ракет будут американскими. Предполагается, что первый из восьми образцов будет спущен на воду в 2040 году.

Политическая воля

Программа очень сложна в реализации и подвержена экономическим и производственным рискам. Австралийские затраты оцениваются в 82 миллиарда долларов: они включают производство судов, систем вооружения, ракет, материально-техническое обеспечение, техническое обслуживание, обучение и инвестиции в строительные площадки. По последней категории американская и британская сторона проделали уже значительную работу.

В США в ближайшее десятилетие планируется построить 17 атомных подводных лодок: верфи General Dynamics и Huntington Ingalls уже используют аутсорсинг на два миллиона часов в год и получают финансирование и рабочих из Австралии. Верфи в Барроу-ин-Фернесс (BAE Systems) должны произвести пять подводных лодок для Королевского флота, увеличив для этого численность рабочей силы с 10.000 до 17.000 человек и получив 3 миллиарда фунтов стерлингов инвестиций в течение следующих двух лет. Камни преткновения скрываются за каждым углом, но, как полагает *The Economist*, с учётом главного политического аспекта они должны быть решены.

Еженедельник пишет, что благодаря AUKUS «открыты двери» для обмена технологиями, «указывая путь к новому этапу западной конкуренции с Китаем», и что политические лидеры взяли на себя «долгосрочное обязательство не быть пассивными наблюдателями китайского доминирования в Азии» (18 марта).

Истребитель шестого поколения

В декабре прошлого года премьер-министры Великобритании, Японии и Италии дали старт проекту GCAP. Этот истребитель шестого поколения является результатом слияния англо-итальянского проекта Tempest и японского F-X и становится финальной точкой предыдущих соглашений, которые предусматривали сотрудничество по двигателю и датчикам. К 2024 году должно быть определено разделение труда между национальными предприятиями (назовём наиболее важные: BAE Systems, Rolls-Royce, Leonardo, Mitsubishi и IHI Corporation). Прототип истребителя должен быть готов в 2028 году, поступление на вооружение ожидается в 2035 году.

Токио выбрал альянс с Лондоном отчасти для того, чтобы освободиться от чрезмерных ограничений проекта, привязанного только к звёздно-полосатой промышленности. Mitsubishi считает, что три страны-участницы и увеличение числа самолетов, которые будут производиться, может снизить стоимость нового истребителя на 40 % по сравнению с F-X, разрабатываемым Японией в одиночку. Также рассматривается возможность экспорта истребителя или некоторых его технологий. Тревор Тейлор (Королевский институт объединённых служб) считает, что Южная Корея или Индия, которые разрабатывают свои собственные проекты, могут быть заинтересованы в двигателях, радаре и оборонных технологиях самолёта.

Сохраняется вопрос о сосуществовании двух проектов перспективных истребителей в Европе, поскольку одновременно реализуется и испано-франко-немецкий проект SCAF-FCAS. Возможность слияния обоих проектов в единую конструкцию остаётся, но вступление Японии, с её прочной финансовой мощью, может сделать такой сценарий менее вероятным.

Истребители 6G задуманы как пилотируемые платформы, способные взаимодействовать с автономными системами в постоянном режиме. Менеджер Raytheon Technologies сравнивает их с командой по американскому футболу, где истребитель 6G играет роль квотербека, ведущего и в то же время защищаемого ведомыми. Новый NGAD (Next Generation Air Dominance), американский 6G, будет

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛИ СНАРЯДОВ (расположение заводов)

Источники: *Les Échos* и сайты компаний.

стоить несколько сотен миллионов долларов за единицу, по сравнению с 80 миллионами за F-35, говорит Конгрессу министр ВВС США. Перед нами фантастические цифры технологий будущего. Дебаты, между тем, вращаются вокруг более насущных потребностей.

Боеприпасы для артиллерии

Война на Украине – ресурсоёмкий конфликт. По данным многих авторитетных источников, США поставили украинской армии миллион крупных артиллерийских снарядов калибра 155 мм. Оценки европейского вклада варьируются от 100 до 300 тысяч при ежедневном потреблении в 6.000 снарядов. Боеприпасы украинской армии начинают истощаться, в то время как арсеналы НАТО начинают иссякать.

Согласно материалу Фонда стратегических исследований, ежемесячное производство 155-мм снарядов в США составляет 14.000, а в Европе – 22.000, что в совокупности соответствует недельным потребностям в конфликте с интенсивностью, подобной украинскому. Пентагон решил увеличить производственные мощности как минимум в пять раз, но на это потребуются не менее двух лет (Philippe Gros, Vincent Tourret. «Guerre en Ukraine: analyse militaire et perspectives», Fondation pour la Recherche Stratégique, 6 апреля 2023).

Европейский план в области снарядов

Реакция следует и со стороны Европейского Союза. Совет министров иностранных дел и обороны принял ряд решений, которые представителю внешней политики Жозеп Боррель с большим оптимизмом называет «историческими», напоминая о национальной ревности, которая проявляется, когда речь заходит об обороне.

Первым шагом является немедленная поставка в Украину артиллерийских снарядов, которые должны быть взяты из национальных арсеналов. Отдельные страны получают частичную компенсацию (50–60 %) в размере миллиарда евро из Европейского фонда мира, внебюджетного фонда, созданного с целью «предотвращения конфликтов».

Второй шаг предполагает участие EDA (Европейского оборонного агентства), которое будет координировать коллективную закупку странами Союза ещё на 1 млрд евро. С одной стороны, такое решение можно было бы назвать шагом вперёд, поскольку это означало бы, что почти все страны ЕС адаптировались к модели коллективного контракта, заключённого на той же основе, что и контракт на закупку вакцины против Covid-19. С другой стороны, началась дискуссия о том, может ли география поставщиков включать Турцию и Великобританию.

Европейский комиссар по внутреннему рынку Тьерри Бретон составил перечень и посещает 15 производителей снарядов в 11 странах ЕС (считая Норвегию, имеющую соглашение о свободной торговле с ЕС). Комиссия просит эти компании (см. информацию в рамке) увеличить свои производственные мощности, обещая стимулы, которые ещё предстоит определить, но которые могут достигать двух миллиардов евро. Немецкая Rheinmetall только что приобрела испанскую Exral Systems и заявила, что сможет производить 440.000 крупнокалиберных снарядов в год. На наших заводах, гордо заверяет управляющий директор Армин Паппергер, работа идёт 24 часа в сутки, семь дней в неделю.

А если у кого-то остались возражения, *The Economist*, библия либерализма, отвечает, что необходимо «стремиться выковать новый арсенал демократии». «По крайней мере, в течение пяти лет, – продолжает еженедельник (25 февраля), – отвечающие за военное планирование рассуждали о растущей возможности будущего конфликта с реваншистской Россией в Европе или с Китаем, готовым вторгнуться на Тайвань, в Тихом океане. Но всё это не нашло отражения ни в накоплении запасов необходимых снарядов, ни в инвестициях в промышленные мощности, необходимые для их производства в темпах, требуемых для любой войны, которая длится более нескольких недель».

Lotta comunista, апрель 2023 г.

Рецензии

Загадка *Zeitenwende*

Cristoph Heusgen, "Führung und Verantwortung: Angela Merkels Außenpolitik und Deutschlands künftige Rolle in der Welt", Siedler Verlag, München, 2023 ("Руководство и ответственность: внешняя политика Ангелы Меркель и будущая роль Германии в мире").

Кристоф Хойсен с 2005-го по 2017 год служил советником в сфере безопасности и внешней политики при Ангеле Меркель. Перед этим, с 1999-го по 2005 год, он возглавлял команду верховного представителя Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Хавьера Соланы. С 2022 года он председательствует на Мюнхенской конференции по безопасности, сменив на этом посту Вольфганга Ишингера. Можно заключить, что Хойсен накопил значительный опыт в дипломатической и политической сферах, занимая посты в европейских институтах, в особенности рядом с Меркель. На страницах монографии он без посредников передает её мысли – мысли лица, принимающего решения в крупнейшей европейской метрополии.

Книга повествует об опыте, который пережил автор, сопровождая Меркель в её поездках. Они бывали в Париже, Брюсселе, где располагаются штаб-квартиры ЕС и НАТО, а также, среди прочих, в Вашингтоне, Пекине и Москве – если расположить столицы в последовательности, заданной иерархией близости/важности для немецкой и европейской внешней политики.

В тексте можно рассмотреть восхождение империалистической линии, которая стремится выкроить себе стратегическую автономию, однако испытывает затруднения в связи с развязыванием Россией войны на Украине. Ей противостоит американская инициатива, стремящаяся использовать линии разлома внутри ЕС, особенно ту, которая отделяет проамериканскую и открыто антироссийскую когорту стран – в прошлом членов Организации Варшавского договора: от Польши до государств Балтии.

Хойсен неоднократно заявляет, что Германия должна взять на себя более крупные обязательства в военной и политической сферах. Будучи четвёртой сильнейшей экономикой, Германия, вероятно, является единственной страной, которая может позволить себе оказывать давление на Россию и/или Китай. Однако федеральное правительство ещё только должно научиться последовательно реализовывать *Zeitenwende*, анонсированную канцлером Олафом Шольцем.

Франция и "force de frappe"

Первая остановка Меркель – Париж. Несмотря на трения и расхождения с Берлином, связанные с разными интерпретациями процесса расширения и углубления ЕС, Франция является важнейшим партнёром Германии в Европе. Хойсен считает, что нужно избегать бездушности рутинных отношений двух стран. По мнению Меркель и Жака Ширака, европейская интеграция была лучшим рецептом, чтобы избежать повторения военных катастроф, следовавших друг за другом с 1870-го по 1945 год, и в то же время укрепить Европу в глобальной конкуренции. Российская агрессия на Украине высветила зависимость Германии от

американского ядерного сдерживания, которое, впрочем, гарантировало немецкую и европейскую безопасность на протяжении десятилетий. НАТО и приверженность США альянсу остаются для Берлина важнейшей страховкой в сфере политики безопасности.

Но может ли Германия рассчитывать, что американский ядерный зонтик будет всё так же защищать её в течение грядущих десятилетий? Эмманюэль Макрон предложил разделить с Германией французское ядерное сдерживание (*force de frappe*), но Германия пока не начала обсуждать эту тему на политическом уровне. По мнению Хойсена, будет беспечно и дальше игнорировать это предложение. Европеизация французских ядерных сил в качестве не замены, а дополнения к американскому ядерному зонтику, не может быть табуирована. Немецкой традиции политического использования экономической силы более недостаточно: чтобы играть стратегическую роль, Германии необходимо обзавестись военным рычагом, даже ядерным.

Брюссель: Европейский союз и НАТО

Вторая остановка – Брюссель: за годы своего канцлерства ни в один город Меркель не ездила так часто, как туда, особенно на собрания Совета ЕС и в штаб-квартиру НАТО.

Франко-немецкие отношения как фундамент немецкой политики в Европе рассматриваются Меркель как «безальтернативные». То же относится и к европейскому единению. Только посредством евроинтеграции Германия и Старый континент в целом могут застолбить себе место в мировом противостоянии. Отдельные европейские государства не имеют ни политического, ни экономического веса, достаточного для придания значимости их интересам.

На полях Европейского совета канцлерин проводила серию коротких бесед: регулярно с французским президентом и затем, часто вместе с ним, с другими главами правительств или с президентом Совета. Впоследствии она, как правило, могла найти решение, которое удовлетворяло бы ожидания отдельных государств, гарантируя общее сближение.

Агрессия против Украины 24 февраля 2022 года ставит перед ЕС задачу сформировать континентальную оборонную политику. Экспедиционные войска должны быть способны действовать и под командованием НАТО, и под флагом ЕС, если США не захотят участвовать в какой-то конкретной операции. А это может чаще случаться в будущем, если американцы совершат основательный поворот к Азии и будут вправе ожидать, что европейцы сами займутся конфликтами в Европе и соседних регионах.

Средиземноморье

Меркель постоянно уделяла внимание и некоторым странам Среди-

«Германия переживает третью *Zeitenwende* в своей истории: первая случилась в 1949 году с рождением демократии и крепкой интеграцией с Западом, но также с её примирительной *Ostpolitik*. Вторая произошла в 1989 году с её объединением. Надежда на стабильный европейский порядок безопасности не реализовалась, и с российским вторжением на Украину произошла третья *Zeitenwende*: Россия Путина больше не может быть партнёром, Китай хотел бы стать ведущей державой мира, а США всё больше будут концентрироваться на Азиатско-Тихоокеанском регионе. Для Германии это означает, что она должна снова занять позицию и всё больше брать на себя лидирующую роль и большую ответственность. Опасность заключается в том, что, заявив о новой фазе, мы останемся инертными с точки зрения содержания».

(Стр. 231.)

земноморья. Ливийский кейс является показательным в отношении той новой роли, которую Германия стремится приобрести в политико-дипломатическом плане. Как следствие «арабской весны» в Ливии случились восстания, и Франция организовала военную интервенцию, которую должен был санкционировать Совет безопасности ООН. США предложили военную акцию для защиты гражданского населения. Германия, которая в 2011–2012 годах заседала в СБ ООН, воздержалась при голосовании по резолюции.

В январе 2020 года перед лицом наступления Халифы Хафтара США Дональда Трампа отказались проголосовать за его осуждение. Меркель взяла на себя инициативу собрать все стороны конфликта в Берлине, где подписалась под юридически обязывающей резолюцией запустить политический процесс, который снизил бы конфликтность. Успех немецкой дипломатии был успехом Меркель и был бы невозможен, не воздержись Германия в 2011 году при принятии решения о международной военной интервенции.

США – важнейший союзник в будущем?

12 января 2006 года Меркель осуществила свой первый визит в Вашингтон. Учитывая сильную поляризацию политической системы США, нельзя исключать приход к власти очередного правительства, которое – как администрация Трампа – не будет рассматривать трансатлантические отношения как фундаментальные и будет использовать их конъюнктурно, ставя на службу конкретных американских интересов.

Следовательно, Германия и Европа должны принять на себя больше обязательств, быть готовы справляться с конфликтами и иметь в своём распоряжении необходимые для этого политические, военные и экономические инструменты.

Что касается России, Хойсен подтверждает, что в свете агрессии на Украине перезапуск и нормальные отношения возможны только при условии прихода к власти в Москве другого правительства, которое руководствовало бы международным правом в своих действиях и провело бы «депутинизацию» страны – как в своё время Германия провела «денацификацию».

Китай: отношения с новой мировой державой

Меркель полагает, что Германия сильно заинтересована в поддержании тесных отношений с Пекином – мировой державой в становлении. Тем

не менее даже одно то, что не исключена возможность войны за Тайвань, должно быть поводом переосмыслить направление внешней и экономической политики.

В плане экономики нужна диверсификация. Немецкие и европейские предприятия должны обеспечить безопасность своего экспорта и инвестиций, открываясь другим азиатским рынкам и другим континентам, например, Африке, чтобы закрытие китайского рынка не привело к фатальным последствиям.

Хойсен считает, что нужно принять природу сегодняшнего мира – идущее сражение за новый миропорядок. Категории холодной войны преодолены, хотя Запад и продолжает придерживаться «западных» ценностей.

Глобальные обязанности Германии

Можно сказать, что автор поддерживает политическое стремление активно осуществить третью *Zeitenwende* в немецкой послевоенной истории – после первой в 1949-м и второй в 1989 году, – а не прятаться на заднем плане. Хойсен заявляет, что не разделяет американскую претензию на экономический и политический декаплинг с Китаем. Тем не менее он считает необходимым срочно сократить зависимость от Дракона и диверсифицировать торговлю и инвестиции. США больше не в состоянии поддерживать роль вездесущего мирового жандарма. Германия должна принять на себя собственные обязательства и следовать им в повседневной практике. Помимо оборонного потенциала Берлин должен быть готов браться за политические инициативы, подобно тому, как Меркель и Франсуа Олланд в 2014–2015 годах участвовали в «Нормандском формате».

Размышления Хойсена, хотя и не имеют концептуального оформления, в полной мере вписываются в идущее немецкое стратегическое переосмысление, о котором свидетельствуют многолетние дебаты, обострившиеся в связи с войной на Украине. Германской империалистической метрополии остаётся оценить, хватит ли ей времени, ведь в условиях ускоряющегося противостояния великих держав Берлин и Европа рискуют остаться позади. Это ключевой вопрос для немецкой метрополии и европейского империализма, которые защищают мультилатерализм и в то же время продвигают перевооружение.

Российские хроники

Централизация насилия

27 июня ФСБ России вынесла постановление о прекращении уголовного дела в отношении основателя ЧВК «Вагнер» Евгения Пригожина и его наёмников по факту вооружённого мятежа. В ходе него были сбиты 6 вертолётов и самолёт, погибли более 10 боевых пилотов. В то же самое время российские суды дают 7 лет ареста за первое слово из названия романа Льва Толстого. По словам главного редактора «Новой газеты» Дмитрия Муратова, в тюрьмах находятся «600 политических заключённых», заведено «20 тысяч дел в отношении сторонников мира. 300 негосударственных медиа закрыты».

Непропорциональность реакции со стороны государства может удивлять лишь мелкобуржуазных филистеров. Для нас же это является очередным наглядным подтверждением марксистской теории о государстве как аппарате классового насилия, в котором закон является не чем иным, как волей правящего класса.

Имплозия СССР как выброс человеческой энергии

Накануне распада СССР численность личного состава вооружённых сил составляла 3,4 млн человек, или 3–4 % трудоспособного населения. Крах государства ложного социализма привёл, среди прочего, к высвобождению значительной части этой колоссальной человеческой энергии: десятки тысяч военспецов, многие из которых имели реальный боевой опыт, оказались на обочине жизни. В тяжёлые для Москвы 90-е годы говорящие по-русски «солдаты удачи» стали появляться в различных горячих точках планеты.

Во время гражданской войны в Заире в 1997 году президент страны Мобуту создал специальное карательное подразделение из оставших спецназовцев из России, Украины и бывшей Югославии, в котором состояло не менее 200 человек. В 2000 году на закате гражданской войны в Анголе повстанцы подбили не менее 10 правительственных самолётов, а около 30 лётчиков попали в плен. Все они оказались русскими или украинцами. Во время войны между Эфиопией и Эритреей (1998–2000) российские наёмники находились с обеих сторон. В марте 2004 года в аэропорту столицы Зимбабве городе Хараре были задержаны 82 человека европеоидной расы, направлявшиеся в Малабо, столицу Экваториальной Гвинеи. Это были наёмники, завербованные для переворота, почти все они являлись выходцами из стран бывшего СССР, главным образом из Казахстана, Армении и России. В эпоху, когда значительное число школьников мечтало стать бандитами или силовиками, а школьниц – интердевочками или жёнами олигархов, найти желающих сыграть в русскую рулетку с жизнью даже за пару тысяч долларов было несложно.

Точную информацию о численности российских наёмников в мире найти вряд ли возможно, но однозначно речь идёт о десятках тысяч «солдат удачи». В 1999 году лишь в одном африканском государстве Сьерра-Леоне было порядка 1,5 тыс. российских наёмников. Там же западные украинцы, находившиеся на стороне повстанцев, впервые повоевали против своих соотечественников с востока страны, которые были наняты

правительством наряду с российскими военспецами. В 2001 году Федеральная авиационная служба РФ в первый и последний раз представила данные о числе российских наёмников, воюющих в странах Африки. Только в ВВС африканских стран на тот момент насчитывалось более 10 тыс. «диких гусей» из России – пилотов, штурманов, бортинженеров и представителей наземных служб.

Но к этому времени рост нефтегазовых доходов поспособствовал укреплению российского империализма и сменил центробежные тенденции на центростремительные: притяжение финансового магнита Кремля стало в той или иной форме возвращать под крыло Москвы расплывшую по миру наёмническую энергию.

Прибыль на крови

Две чеченские войны, вооружённые конфликты на просторах СНГ и других стран мира (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Таджикистан, бывшая Югославия, а затем и Донбасс) сформировали громадную массу людей, которые умели и даже любили воевать. Предприимчивая российская буржуазия не могла ею не воспользоваться.

В 2005 году офицером запаса Пограничных органов ФСБ РФ, получившим боевой и командный опыт на таджикско-афганской границе, Олегом Криницыным была основана «РСБ-Групп» (также «Российские системы безопасности»), оказывающая услуги военного консалтинга в зонах с высокой террористической активностью и ведения боевых действий. Компания тесно связана с российскими спецслужбами, но при этом имеет региональный офис в Сенегале, а также представительства в Турции, Германии и Италии. После российского вторжения на Украину ЧВК оказалась под санкциями Канады, Великобритании и Новой Зеландии.

В 2011 году была зарегистрирована Morgan Security Group. Именно в этой ЧВК после службы во 2-й отдельной бригаде специального назначения Главного управления Генерального штаба Вооружённых сил РФ оказался будущий основатель ЧВК «Вагнер» Дмитрий Уткин, перекочевавший затем в зарегистрированную в октябре 2013 года в Гонконге ЧВК «Славянский корпус». Эта компания публиковала объявления о найме контрактников для защиты сирийских энергетических объектов. «Поехали защищать нефтяные поля, а когда приехали, оказалось, что эти поля ещё необходимо отбить», – говорил руководитель «РСБ-Групп» О. Криницын.

ЧВК состояла из бывших спецназовцев из ГРУ, ВДВ, ВВ МВД, СОБР. Многие из них приобрели боевой опыт во время гражданской войны в Таджикистане и второй чеченской кампании. Приём в ЧВК происходил в Москве, в офисе Morgan Security Group, что уже указывает на связь между компаниями. В Сирии ЧВК насчитывала 267 контрактников, которые дислоцировались в Латакии. Кроме автоматов наёмники были вооружены пулемётами, гранатомётами, зенитными установками 1939 года выпуска, миномётами 1943-го. Были сформированы экипажи для четырёх танков Т-72, вместо которых сирийцы предоставили не способные к бою ржавые Т-62 и несколько БМП 1979 года. Руко-

водил проектом санктпетербуржец Владимир Гусев, которого многие знали как заместителя директора Morgan Security Group. Пребывание корпуса в Сирии закончилось неудачным сражением. По возвращению в Россию его руководители были арестованы на три года за наёмничество, а большая часть «солдат удачи» осталась без обещанных 4 тыс. долларов. Среди них были и люди с судимостями, а также несколько бывших наёмников «РСБ-Групп», которые, по словам её руководителя О. Криницына, «были уволены из компании за низкие моральные качества». По его мнению, вероятно, «что кое-кто из менеджеров Morgan Security Group, а аффилированность этой компании к «Славкорп» достаточно явная, мог затеять эту авантюру, чтобы заткнуть финансовую дыру, образовавшуюся после захвата их судна Myre Seadiver в Нигерии» («Фонтанка.ру», 14.11.2013).

Как бы то ни было, появление подобных компаний не могло пройти без внимания российского империализма. Уже в 2012 году президент России Владимир Путин заявил, что ЧВК являются уникальным инструментом в руках государства, поэтому не могут выполнять задач без привязки к нему. Причина интереса государств к ЧВК проста: использование армии часто несёт для власти значительные политические риски как внутри страны, так и за её пределами, поэтому гораздо выгоднее, чтобы потери несли наёмники («ихтамнеты») из де-юре несуществующих компаний, которые не испортят официальную статистику. Кроме прочего, их удобно использовать для решения «деликатных» задач, где лучше обойтись без государственного флага.

Полёт валькирии в серых зонах

О ЧВК «Вагнер» впервые написала в 2015 году санкт-петербургская «Фонтанка.ру»: по данным интернет-издания, ЧВК под командованием человека с позывным «Вагнер» с весны 2014 года действовала в Крыму, а затем на территории Луганской области. Там около 300 наёмников вошли в состав сепаратистов и воевали под командованием монархиста Игоря Стрелкова (Гиркина), бывшего сотрудника ФСБ РФ, на тот момент министра обороны ДНР. 17 ноября 2022 года Окружной суд Гааги признал его виновным в крушении самолёта Boeing 777-200ER авиакомпании Malaysia Airlines. Вагнеровцы приняли участие в боях за аэропорт Луганска, а затем, в момент подписания Минских соглашений, устраняли выступавших против нежелательных для России популярных полевых командиров сепаратистов. С осени 2015 года основные усилия ЧВК были перенесены на территорию Сирии. Кроме прочего, она действует во многих странах Африки – Ливии, Мали, ЦАР, Буркина-Фасо и др.

Позывной «Вагнер» принадлежит не кому иному, как Дмитрию Уткину, поклоннику идей нацизма и немецкого композитора-мистика (именно поэтому наёмников этой ЧВК часто называют «музыкантами» или «оркестром»), который в Луганске эпатировал личный состав стальной шлемом вермахта («Фонтанка.ру», 29.03.2016).

Крёстным отцом ЧВК «Вагнер», по информации приглашённого исследо-

вателя Европейского совета по международным делам (ECFR) Михаила Комина, являлся прошлый глава Генштаба РФ Николай Макаров. Во главе ЧВК в 2012 году был поставлен петербургский предприниматель с криминальным прошлым Евгений Пригожин (Центр Карнеги, 26.06.2023).

Согласно заявлению В. Путина, ЧВК «Вагнер» финансируется государством. По его оценке, содержание наёмников только с мая 2022 года по май 2023 года обошлось российскому бюджету в 86,3 млрд рублей. Путин также сообщил, что ещё 110 млрд рублей государство выделило на страховые выплаты «музыкантам» (Interfax.ru, 27.06.2023). Впрочем, у компании были и собственные доходы как от «силовой ренты», так и от горнодобывающей деятельности в Африке.

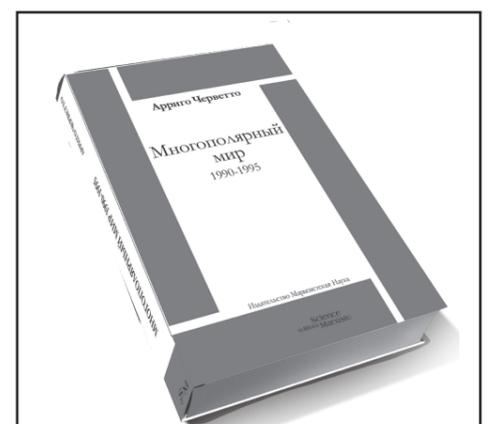
К началу российского вторжения на Украину уже существовало несколько российских наёмных военных организаций.

Мятеж взбесившегося Франкенштейна

Итак, ЧВК «Вагнер» в полной мере является творением российского империализма. До 23 июня этого года «оркестр» являлся иногда не совсем удобным, но всё же инструментом в руках Кремля. Война на Украине способствовала росту политической субъектности Пригожина и привела к конфликту с министерством обороны и генштабом. В этих условиях Путину не оставалось ничего иного, кроме как пойти на ликвидацию собственноручно созданного монстра. В условиях войны утрата монополии на насилие неизбежно привела бы к подрыву государственного единства.

Впрочем, развязанная российским империализмом война и без того поставила его в крайне затруднительное положение. В условиях давления острожного всемирного противостояния трещины в фундаменте российского империализма будут превращаться в разломы и обострять внутривнутриполитическую борьбу. Мятеж взбесившегося Франкенштейна – лишь первый сигнал.

Июнь 2023 г.

Арриго Черветто МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР

2006, 352 страницы, суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
библиография,
хронология 1990-1995,
алфавитный указатель.
ISBN: 2-912639-21-2

Цена 300 руб.

Крупные группы российского империализма

Свидетель возрождения и стагнации экономики “новой России”

ЛУКОЙЛ – крупнейшая частная и одна из важнейших групп российского империализма. В 2016 году “Коммерсантъ Власть” писал: «В истории компании как в зеркале отражены этапы становления и развития новой России».

Кроме того, ЛУКОЙЛ – одна из немногих российских групп, входящих в рейтинг “Fortune Global 500”, – 67 место в 2022 года. В том же году она добыла 81 млн т нефти и газового конденсата, что, как утверждает компания в последнем годовом отчёте, составляет чуть более 15 % от общероссийского объёма добычи, а на сайте ЛУКОЙЛ указано, что на мировом рынке на её долю «приходится около 2 % [...] добычи нефти и около 1 % доказанных запасов углеводородов». Численность персонала компании по состоянию на 2021 год превышала 100 тыс. человек: 85 % из них заняты в России, 9,7 % в Европе, 2,7 % в Азии, 2,5 % на Большом Среднем Востоке и в Африке и 0,1 % в Северной Америке.

Посмотрим, как в “зеркале” отражались ключевые для российской буржуазии точки последних 30 лет: реструктуризация 1990-х, “нефтяное чудо” 1-й и кризис 2-й половины 2000-х, падение мировых цен на нефть 2010-х, начало санкционной войны 2010-х и “горячей” войны 2020-х.

Пионер приватизации в нефтегазовом секторе

25 ноября 1991 года постановлением Совмина по инициативе первого замминистра нефтегазовой промышленности Вагита Алекперова был создан государственный нефтяной концерн “ЛангепасУрайКогалымнефть”, в состав которого вошли три сибирских объединения “Лангепаснефтегаз”, “Урайнефтегаз”, “Когалымнефтегаз” и нефтеперерабатывающие заводы в Перми, Волгограде, Уфе и Мажейкяе (Литва), а почти через год стартовала приватизация нефтегазового сектора, и с этого момента нужно вести отсчёт деятельности ЛУКОЙЛа как частной компании.

Как пишет профессор Джорджтаунского университета Тейн Густафсон в своей книге “Колесо фортуны. Битва за нефть и власть в России”, ЛУКОЙЛ был одной из компаний, «которые первыми стали перестраиваться в вертикально интегрированные корпорации, первыми начали приватизацию и [...] добивались финансового контроля над [...] дочерними компаниями [...], успешнее всех остальных вели финансовые дела, избегали долгов и внешнего проникновения. Остальные, оказавшиеся менее расторопными, решительными или удачливыми, вскоре стали мишенью для поглощений».

В 1993 году было образовано ОАО “ЛУКОЙЛ”, которое на тот момент лишилось Мажейкяйского и Уфимского НПЗ, но приобрело сбытовые организации в Краснодарском крае, Волгоградской, Вологодской, Челябинской, Пермской, Кировской, Калининградской и др. областях.

Бесхозяйственность ложного социализма

Сталинистские и другие “национально-ориентированные” авторы часто занимают моралистической, субъек-

тивистской критикой приватизации, преподнося её как разбазаривание “общественного достояния” и т. п. Нашей же школе, которая всегда отрицала тезис о социалистическом характере экономики СССР, ничто не мешает подойти к этому вопросу объективно.

Цикл послевоенных “экономических чудес” подталкивал ведущие промышленные державы к дальнейшему и беспрецедентному объединению частей мирового рынка, включая относительно отсталые регионы, и адекватной этой цели либеристской политике. На 1970-е – 1990-е годы приходится цикл реструктуризации ведущих экономик мира, к каковым относился и СССР, т. е. происходит замена устаревшего оборудования и управленческих схем, ликвидация неэффективных по меркам мирового рынка предприятий, трансформация структуры экономики в современный вид (теперь крупную роль начинает играть сфера услуг) и т. д. Этот процесс развивался неравномерно и, в условиях империалистической конкуренции страны, опоздавшие с проведением реструктуризации, неизбежно должны были столкнуться с отложенными издержками – экономическим шоком и т. д. Константой межимпериалистического противостояния является гонка за конкурентоспособность, и во второй половине 80-х годов правящий класс СССР, понимая собственное отставание, был вынужден ускорить этот процесс. “Катастрофический” результат этого “реформирования” – лишь отражение реальной, то есть проверяемой мировым рынком, конкурентоспособности “советских” предприятий, действительного места в мировом разделении труда, степени задержки реструктуризации и уровня накопившихся к тому времени внутренних структурных проблем. Особенно показательна в этом плане нефтяная отрасль.

Густафсон, ссылаясь на доклад “Petroleum Equipment and Service Needs of the CIS” профильной консалтинговой компании Spears & Associates, пишет: «специалисты в отрасли, приехали на промыслы и опросили десятки российских и иностранных нефтяников. Их детальный отчёт рисует картину полного хаоса, царившего в отрасли. Почти по всему спектру операций в нефтегазовой отрасли [...] производительность российских нефтяников [была] 10–30 % от западного уровня. Кое-где россияне отставали на полвека».

Российский правящий класс столкнулся с серьёзным вызовом: он должен был выдвинуть людей, которые смогли бы воплотить так необходимую ему реструктуризацию.

“Плавильный котёл” Западной Сибири

Одним из таких людей стал будущий глава ЛУКОЙЛа Вагит Алекперов. Его восхождение началось на западносибирских месторождениях, которые в 1970–1980-х годах были настоящим “плавильным котлом”: бурильщики вербовались из “старых” нефтяных регионов – Украины, Поволжья, Прикаспия. Таким же разнородным был и высший слой: геологи, инженеры и начальники. Тут

сделали карьеру и многие нефтяники – выходцы из мусульманских республик, такие как и сам Алекперов, который ни разу не был в России до конца 1970-х годов.

Он сумел обратить на себя внимание влиятельной фигуры – замминистра нефтяной промышленности Валерия Грайфера, который в 1986 году назначил его руководителем работ в Когалыме. Уже в 1990 году, снова при поддержке Грайфера, Алекперова в обход десятков более высокопоставленных чиновников направляют в Москву, где он занимает должность замминистра нефтяной и газовой промышленности СССР.

“ЛУКОЙЛ всегда поддерживался, поддерживается и будет поддерживаться властями”

Так Алекперов стал одним из “нефтяных генералов”. Большинство из них, являясь типичным продуктом номенклатуры, уже к концу 1990-х годов было отстранено от руководства главными нефтяными компаниями. Судьба Алекперова была иной, поскольку, обладая деловой хваткой, он понимал, «как обращаться [нефть] в деньги». Но с другой стороны, пишет Густафсон, в отличие от частных акул новой формации, например, Ходорковского, Алекперов «никогда не пренебрегал государственными структурами, даже когда они были [...] слабыми»: «Мы не хотим терять связь с государством», – сказал он журналисту в 1996 г., и в этих словах – суть его позиции, неизменной на протяжении 1990-х гг. И государство отвечало взаимностью: министр топлива и энергетики РФ Юрий Шафраник, выступая на собрании акционеров в апреле 1995 года, открыто заявил, что проекты ЛУКОЙЛа всегда поддерживались, поддерживаются и будут поддерживаться властями. Умение Алекперова балансировать между двумя этими полюсами и стало его визитной карточкой и одним из факторов первоначального успеха и делового долголетия.

Именно благодаря тесным связям с правительством, в том числе с Шафраником и Госкомимуществом, ЛУКОЙЛу удалось превратить приватизацию бывшего государственного предприятия в контролируемый процесс: Алекперов добился разрешения провести “интегрированные” аукционы, на которых акции материнской и дочерних компаний выставлялись одновременно и под наблюдением ЛУКОЙЛа и НИКОЙЛа. Это позволило ЛУКОЙЛу успешно противостоять попыткам локальных предприятий приватизироваться самостоятельно. Тем самым группа смогла не упустить власть на начальных этапах приватизации.

Параллельно был создан инструмент для сосредоточения наличных в руках корпорации – “Финансовая компания «ЛУКОЙЛ»”, получившая право собственности на сырую нефть, добываемую предприятиями группы, которую затем перерабатывали на её заводах, продавая готовые нефтепродукты оптовым торговцам, сохраняя право собственности на промежуточные продукты. Наладив эту систему, ЛУКОЙЛ приступил к следующему этапу централизации власти и

в 1995 году произвёл обмен акциями с дочерними предприятиями, предложив им хорошие условия. Таким образом Алекперов установил полный контроль над всей структурой ЛУКОЙЛа и наконец смог сделать последний шаг – превратить дочерние предприятия в подразделения единой централизованной корпорации. Группа достигла зрелости, первой превратившись в вертикально-интегрированную нефтяную компанию, контролирующую все этапы технологического процесса: от добычи ресурсов и переработки до маркетинга и продажи готового продукта конечному потребителю. Позже его примеру последовали и остальные крупные компании, приведя структуру нефтяной промышленности России в соответствие с мировыми стандартами, тогда как в СССР отдельные звенья технологической цепочки принадлежали различным ведомствам, что негативно сказывалось на эффективности отрасли в целом.

Однако отношения частного и государственного капитала далеко не всегда складывались так комплементарно, как в случае с ЛУКОЙЛом, иногда доходя до прямого столкновения (“Дело ЮКОСа”). В период 1999–2004 годов, часто называемый “нефтяным бумом”, когда восстановился объём нефтедобычи и стали расти цены на нефть, было положено начало битве между государственными и частными фракциями за возросшую нефтяную ренту, не оконченной до сих пор. По мере своего укрепления государство стало стремиться к увеличению доли в непредвиденных прибылях от повышения цен на нефть и в итоге вернуло себе значительную часть нефтяной ренты и часть самой нефтяной промышленности. Последуем за синтезом Густафсона: «[Без] начавшегося [...] роста нефтяных прибылей политические ставки были бы не столь высокими, намерения частного сектора не такими амбициозными, а реакция государства не настолько жёсткой. Именно нефтяной бум [...] сделал олигархов [...] мультимиллиардерами и помог [...] неудавшемуся банкиру [Ходорковскому] стать настолько богатым и влиятельным, что тот решил замахнуться на власть во всём государстве. С другой стороны, тот же нефтяной бум поставил на ноги бессильную и безденежную центральную власть, а Владимиру Путину, который стал премьер-министром [...], когда началось возрождение нефтяной отрасли, предоставил средства для восстановления федеральных управленческих и силовых структур. [...] Не получи Путин дополнительных средств, он, возможно, не сумел бы так быстро и эффективно обуздать власть губернаторов на местах и завоевать преданность правоохранительных, армейских и других элит».

Начинались десятилетия “путинской России”, и отлично вписавшийся в неё ЛУКОЙЛ в середине первого из них поставил перед собой новую задачу – в наступающем XXI веке стать одним из лидеров мировой энергетики.

Франция: Сопротивление побеждённого империализма

Падение Франции, «одной из крупных победительниц 1918 года», потрясло мир, пишет Роберт Франк в эссе "Juin 1940: la défaite de la France ou le sens de Vichy", входящем в 1-ый том двухтомника "1937-1947: La guerre-monde", опубликованного издательством "Галлимар" в 2015 году под редакцией Алии Аглана и самого Франка (Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne).

Когда 14 июня 1940 года победившая немецкая армия вошла в Париж, французская буржуазия с правительством Филиппа Петена в Виши присоединилась к плану Германии по объединению Европы, прибегнув к «государственному коллаборационизму», сторонники которого отличали себя от нацистских фанатиков, сосредоточенных в Париже. Поначалу для большинства французов это и было единственно возможной формой «Сопротивления». Мало кто захотел остаться с Шарлем де Голлем, бежавшим в Лондон. Во Франции с её сильным промышленным и финансовым аппаратом, с армией и колониями движение Сопротивления было сопротивлением побеждённого империализма, стремящегося вернуть себе утраченную роль.

Сталинизм и нацизм

Как пишет Серджо Романо, в 1939 году Французская коммунистическая партия (ФКП), «дезориентированная германо-советским пактом, осудила "империалистическую войну", предложила французам брататься с оккупационными войсками и просила немецкое командование разрешить издание [своего печатного органа] L'Humanité» (Romano S. La Francia dal 1870 ai nostri giorni, 1981).

Эти переговоры вёл глава кадровой комиссии Морис Треан, но разрешение не было предоставлено, и запрос был дезавуирован. Сильвен Булук пишет, что Треан «почувствовал себя под подозрением» и, зная о сталинских методах, которые сам много лет практиковал, укрылся в провинции, исчезнув «из коммунистической истории» (Boulouque S. L'affaire de L'Humanité, 2010).

Однако вслед за этим первоначальным внешне «интернационалистским» указанием молодые студенты организовали в Париже крупные демонстрации против войны, развязанной Францией, которые были жёстко подавлены, а молодые рабочие были расстреляны за акты саботажа на фабриках. Потенциально это было революционное поражение, почти стихийное, но оно было цинично использовано в империалистических целях. Руководство ФКП практически предоставила самой себе даже массовую забастовку 120 тыс. горняков в Па-де-Кале, произошедшую в конце мая 1941 года и закончившуюся казнями и депортациями.

Анархистский пацифизм и империалистическая война

Во Франции центральной фигурой в борьбе за придание классово ориентации и организованной формы анархистскому движению был Жорж Фонтени (1920-2010). В определённый период, в 50-е годы, он был связан с аналогичной борьбой группы L'Impulso в Италии, но затем пошёл по иному пути, в отличие от нашей организации, которая полностью перешла на позиции ленинизма. После войны, с августа 1944 года, когда происходило воссоздание Французской анархистской федерации (FAF), руководителем нового поколения милитантов стал 26-летний молодой человек, «некий Фонтени», как он назвал главу своей книги 1990 года "L'autre communisme: Histoire subversive du libertaire libertaire".

В воссозданной FAF любого, кто провозглашал себя анархистом, принимали в своего рода ассоциацию «corains» – скорее друзей, чем товарищей. Однако, по мнению «молодых», тех, кто тем или

иным образом был «коллаборантом», то есть сотрудничал с режимом Виши, следовало исключать, в то время как другие анархисты участвовали в движении Сопротивления, преследуя революционные и интернационалистские цели.

Сам Фонтени отмечает, что беспорочное господство Германии способствовало всеобщему разложению. Если сталинисты стремились к соглашению с гитлеровскими оккупантами, считая себя их союзниками в соответствии с пактом Гитлера – Сталина 1939 года, то другие группы считали, что смогут приспособиться к ситуации, возможно, совмещая легальную деятельность в структурах нового режима с подпольной работой.

Троцкисты и анархисты в движении Сопротивлении

Часть троцкистов, например, Анри Молинье, впоследствии павший в парижском восстании, первоначально практиковала тактику энтризма, которая применялась даже в отношении фашистских формирований бывшего лидера социалистов Марселя Деа. Другая троцкистская группа, стоявшая за Жаном Ру, образовала независимое от всех Национально-революционное движение (MNR). Его позиции оказались непригодными, и оно было вытеснено эволюцией войны, а сам Ру стал командиром партизан, но дискуссии относительно той или иной степени приверженности милитантов «национальным» мотивам Сопротивления, разделившие троцкистское движение в годы войны, продолжали циркулировать.

На самом деле лишь меньшинство троцкистов пыталось организовать какие-то партизанские группы, сохраняя их независимость от Национального совета Сопротивления. После 1944 года одно из таких формирований начало издавать газету Ohé Partisans!, но вскоре среди его членов распространилось разочарование, которое один из его сторонников Андре Кальве отразил в названии своих

мемуаров 1984 года "Sans bottes ni médailles" ("Без сапог и медалей").

Фонтени описывает политический и психологический климат, царивший в анархистском мире: «При объявлении войны в 1939 году организации, которые не предвидели никакой подпольной структуры и не разработали никакой стратегической или тактической перспективы, распались. Фиаско – а это, бесспорно, было именно оно – закончилось тем, что каждый милитант остался брошен на произвол судьбы, без поддержки, без организованной солидарности, без общей нити». Преобладало «тотально пацифистское отношение», которое «старалось не ставить проблемы социальных преобразований, классово борьбы, фашизма».

Против этого Фонтени отстаивал выбор тех анархистов, которые «посвятили себя безызвестной милитантской приверженности подпольной борьбе», участвуя в том числе в «вооружённых действиях маки». Он «не исключает», что и среди них были те, кто «склонялся к более традиционному патриотизму», но его обличение направлено против тех, кто трансформировал свой «пацифизм» в активное сотрудничество с оккупационным режимом.

Фонтени считал, что стоит «различать тех, кто думал, что было бы хорошо использовать» социальные структуры Виши, чтобы вызвать своих «corains en difficulté» из беды или «помочь сопротивляющимся», и «тех, кто зашёл слишком далеко – слишком далеко – в двойной игре», вплоть до «сотрудничества с нацизмом», в том числе откровенного.

Фонтени задаётся вопросом, как могли произойти эти «отклонения от нормы», и ответ, который он даёт, соответствует условиям той политической борьбы, которую он вёл в то время и которая в этом отношении была и борьбой наших итальянских товарищей: «В основе, без сомнения, [лежало] ничтожество теоретической рефлексии, пустота политической мысли, тяготение в большей степени к сентиментальному выбору или мнимому здравому смыслу, на который можно было опереться, отсутствие надёжного классового инстинкта, и всё это было замаскировано поверхностной болтовнёй и скреплялось смутным гуманизмом и пацифизмом "за всё хорошее". Самые странные перемены взглядов – тому подтверждение».

Пьетро Трессо: коммунист, убитый сталинистами

Паоло Кашиола и Джорджио Сермази в тексте 1985 года "Vita di Blasco" проследили жизнь Пьетро Трессо, родившегося в Магре-ди-Скио в 1893 году. Будучи молодым социалистом, он присоединился к Коммунистической партии Италии (РСd'I) в момент её основания и занимал в ней всё более важные должности вплоть до 1930 года. В этот момент он вступил в противоречие с указанием партии на активизацию подпольной деятельности в фашистской Италии: партия отправляла милитантов на авантюру, чтобы продемонстрировать несуществующую «революционную ситуацию» в стране, как того требовала тактика так называемого «социал-фашизма», используемая в то время сталинской внешней политикой. Пальмиро Тольятти исключил его из партии вместе с Альфонсо Леонетти и Паоло Раваццолли (их называли «тройка»), и он присоединился к троцкистскому движению.

После того, как немцы оккупировали Париж, он бежал оттуда в Марсель, где был арестован за распространение ли-

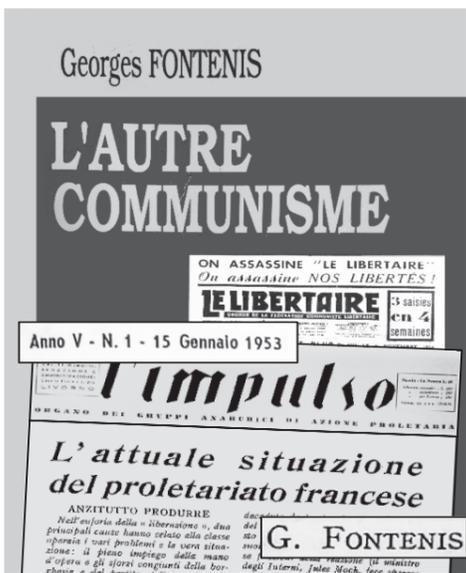
стовок против войны и правительства Петена. Трессо подвергся пыткам, был приговорён к 10 годам каторжных работ и попал в тюрьму Ле-Пюи-ан-Веле в Верхней Луаре, откуда писал в ноябре 1942 года: «Чёрное пятно для нас здесь – это наши отношения со сталинистами. Для этих господ мы, конечно же, банда скользких гадюк, и вся эта чепуха вам, несомненно, знакома. [...] С личной точки зрения меня это совершенно не беспокоит, но их ненависть к нам не имеет границ».

В ночь на 1 октября 1943 года партизаны совершили налёт на тюрьму, освободив всех пленных, в том числе пятерых троцкистов, вывезенных затем в лагерь в Верхней Луаре, где «они содержались в положении пленников». В середине ноября партизанский отряд «распустился». При этих обстоятельствах погибли, «ликвидированные своими сталинистскими "надзирателями"», Трессо, Ребуль, Сегал и Садек, а Демазьеру удалось бежать.

Конкретные исполнители неизвестны, но «не может быть никаких сомнений в том, кто был "моральным вдохновителем" этого четверного убийства, кто несёт за него ответственность: Сталин и его помощники, разбросанные по разным континентам, неутомимые сотрудники русской тайной полиции».

Это было установлено в последующие годы, несмотря на неуклюжие опровержения заинтересованных лиц, благодаря упрямству и воле товарища Трессо Деборы Зайденфельд. Она родилась в Венгрии в 1901 году, переселилась в Италию, где в 1921 году вместе с двумя своими сёстрами вступила в РСd'I, затем вела напряжённую подпольную работу с частыми миссиями в фашистской Италии. Будучи убеждённой, как и Трессо, в том, что партия, ставшая к тому моменту сталинистской, проводит бессмысленную авантюристическую линию, Зайденфельд разделила с ним разрыв с этой организацией и последующее милитанство в троцкистском движении (Cavicchioli G. G., Gianni E. PCd'I 1921. 100 anni, 100 militanti del Partito comunista d'Italia. Milano: Lotta comunista, 2020).

Май 2023 г.

Съезд в Готе

Война 1870 года и объединение Германии способствовали сближению двух рабочих партий: Социал-демократической рабочей партии Германии (СДРПГ) и Всеобщего германского рабочего союза (ВГРС), – которые перестали быть антагонистами по национальному вопросу.

Сражение за теорию

Однако Маркс и Энгельс не одобряли слияния СДРПГ с лассальянцами. Принятый на съезде в Эйзенахе в 1869 году устав партии рабочего класса, подразумевающий её автономию, потенциально мог бы позволить освободиться как от мелкобуржуазно-либерального, так и от сектантского и национал-этатистского влияния лассальянцев.

Стремясь дать партии теоретические ориентиры, Маркс в 1871 году опубликовал “Гражданскую войну во Франции”, где вопреки лассальянскому мифу о государстве назвал Парижскую коммуны наконец открытой формой диктатуры пролетариата. В 1872–1873 годах в *Volksstaat* по частям печаталась книга Энгельса “К жилищному вопросу”, направленная против мелкобуржуазного реформизма и тезисов немецкого прудониста Мюльбергерера. В это время бывший лассальянец Вильгельм Бракке, на тот момент руководивший СДРПГ, предложил заменить пункт 10 Эйзенахской программы, подтверждавший идею Лассалья о рабочих кооперативах с государственной поддержкой, пунктами «решительно социалистическими, соответствующими классовому движению».

«[...] наши люди [...] в теоретическом отношении во сто раз выше лассальянских лидеров», – писал Энгельс Августу Бебелю в марте 1875 года. И тем не менее, добавлял он, «во столько же раз ниже их в смысле политической ловкости»¹. В самом деле, по отношению к Эйзенахской программе и попыткам пойти дальше, предпринимавшим тем же Бракке, текст, принятый на съезде в Готе, проходившем под руководством Газенклевера и Хассельмана со стороны лассальянцев и Либкнехта, Моттелера, Гейба, Фальтайха, Ауэра и молодого Бернштейна со стороны эйзенахцев, был явным откатом к лассальянским догмам.

Критика Готской программы

Но затем решительно вмешался Маркс, отправив 5 мая Бракке “Замечания к программе германской рабочей партии” (сейчас более известные как “Критика Готской программы”). В сопроводительном письме Маркс указал, что после объединительного съезда он и Энгельс заявят о своей непричастности к программе, и заметил: «если нельзя было [...] пойти дальше эйзенахской программы, то следовало бы просто заключить соглашение о действиях против общего врага»².

Энгельс в письме к Бебелю подчёркивает интернационалистические обязательства германской партии, на тот момент являвшейся центром притяжения континентального рабочего движения: «Ведь надо же было подумать и о том, что скажут об этой программе рабочие других стран, какое впечатление произведёт эта капитуляция всего германского социалистического пролетариата перед лассальянством»³.

“Замечания” Маркса, как и “Анти-Дюринг” Энгельса, предлагали изложение основ научного социализма в самый разгар политической борьбы.

Программа, принятая в Готе, начиналась словами: «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры, а так как приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества, то доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества». Маркс отвечает на это: «Труд не есть источник всякого богатства. При-

рода в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство!), как и труд, который сам есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы [...]. Но в социалистической программе не должны допускаться подобные буржуазные фразы, обходящие молчанием те условия, которые одни только и придают им смысл. [...] У буржуа есть очень серьёзные основания приписывать труду сверхъестественную творческую силу, так как именно из естественной обусловленности труда вытекает, что человек, не обладающий никакой другой собственностью, кроме своей рабочей силы, во всяком общественном и культурном состоянии вынужден быть рабом других людей, завладевших материальными условиями труда»⁴.

Лассальянские священные писания

Но весь первый абзац, указывает Маркс, был сформулирован лишь для того, чтобы удовлетворить требования лассальянцев о «полном доходе от труда», «равных правах» и «справедливом распределении дохода от труда», выполнение которых должна была обеспечить панacea государственной помощи. Поэтому Маркс противопоставляет лассальянским догматам подробное рассмотрение особенностей будущего коммунистического общества, показывая, что оно – не идеал, которому должна соответствовать действительность, а конкретное движение, вырастающее из недр капиталистического общества, но сначала оно будет обладать признаками первой своей фазы и только потом сможет преодолеть «узкий горизонт буржуазного права», и тогда «общество сможет написать на своём знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!».

Маркс утверждает материалистический метод против идеализма лассальянцев, намереваясь показать, что «реалистическое понимание, с таким трудом привитое партии», заменяется «идеологическим правовым и прочим вздором».

Что касается «справедливого распределения», то Маркс критикует саму теоретическую основу этой концепции: «Вульгарный социализм (а от него и некоторая часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда изображать дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения»⁵.

В программе также повторяется лассальянская идея, согласно которой, по отношению к пролетариату все остальные классы представляют собой «лишь одну реакционную массу», в то время как “Манифест Коммунистической партии” уже проиллюстрировал сложную диалектику классов и показал, что буржуазия, эта «носительница крупной промышленности»⁶, в определённый момент играла революционную роль, а «средние сословия» «революционны [...] постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата»⁷. Маркс пишет: «Лассаль знал “Коммунистический манифест” наизусть [...]. И если он так грубо исказил “Манифест”, то сделал это лишь для того, чтобы оправдать свой союз с абсолютистскими и феодальными противниками против буржуазии»⁸.

Лассальянский национализм

В пункте 5 Готской программы утверждается, что рабочий класс «действует для своего освобождения прежде всего в рамках современного национального государства». Маркс же осуждает лассальянский национализм: «В противоположность “Коммунистическому манифесту” и всему предшествующему социализму, Лассаль подходил к рабочему движению с самой узкой националь-

ной точки зрения. Ему в этом подражают, – и это после деятельности Интернационала!»⁹.

В письме к Бебелю Энгельс замечал, что интернационализм «практически для настоящего времени совершенно отбрасывается [...] людьми, которые целых пять лет и при труднейших обстоятельствах проводили этот принцип самым блестящим образом. Германские рабочие оказались в авангарде европейского движения главным образом благодаря своему подлинно интернационалистскому поведению во время войны»¹⁰.

Железный закон и государственная помощь

В Готской программе также предлагается формула «железного закона заработной платы». Это представляет собой «возмутительный шаг назад» по сравнению с “Капиталом”, негодует Маркс: «[...] в нашей партии пробило себе дорогу научное понимание того, что [...] система наёмного труда является системой рабства, и притом рабства тем более сурового, чем больше развиваются общественные производительные силы труда, безразлично, лучше или хуже оплачивается труд рабочего. И вот теперь, после того как это понимание всё более и более прокладывает себе путь в нашей партии, возвращаются назад к догмам Лассалья»¹¹.

“Железный закон” мотивировал сектантское неприятие Лассалем экономической борьбы. Этот аспект подчёркивал и Энгельс в письме к Бебелю: «[...] об организации рабочего класса, как класса, посредством профессиональных союзов не сказано ни слова»¹².

Далее программа выдвигает «целительное средство [...] пророка», то есть производственные кооперативы, создаваемые при помощи государства. Маркс комментирует: «Вместо процесса революционного преобразования общества “социалистическая организация совокупного труда” “возникает” из “государственной помощи”, оказываемой производительным товариществам, которые “вызываются к жизни” государством, а не рабочими. Это вполне достойно фантазии Лассалья, будто с помощью государственных субсидий можно так же легко построить новое общество, как новую железную дорогу!»¹³.

Вопрос о государстве

Затем Маркс в своих “Замечаниях” обращается к «демократическому разделу», где в качестве цели немецкой рабочей партии преподносится «Свободная основа государства». Маркс отвечает: «Сделать государство “свободным” – это отнюдь не является целью рабочих, избавившихся от ограниченного верноподданнического образа мыслей. В Германской империи “государство” почти столь же “свободно”, как в России. Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчинённый; да и в наше время большая или меньшая свобода государственных форм определяется тем, в какой мере они ограничивают “свободу государства”»¹⁴. Маркс констатирует, что программа далека от материализма: «Германская рабочая партия [...] обнаруживает, как неглубоко прониклась она социалистическими идеями; вместо того чтобы рассматривать существующее общество (а это сохраняет силу и для всякого будущего общества) как “основу” существующего государства (или будущего общества как основу будущего государства), она, напротив, рассматривает государство как некую самостоятельную сущность, обладающую своими собственными “духовными, нравственными, свободными основами”»¹⁵.

Несмотря на то, что переходную государственную форму между капиталистическим и коммунистическим обществами уже продемонстрировала Парижская

коммуна, бывшая «революционной диктатурой пролетариата», «программа не занимается ни этой последней, ни будущей государственностью коммунистического общества», отмечает Маркс. Вместо этого она ограничивается повторением «всем известным демократическим переделкам»: «всеобщее избирательное право, прямое законодательство, народное право, народное ополчение и прочее»¹⁶.

Но эти притязания могут быть уместны только при переходе к «демократической республике, [...] этой последней государственной форме буржуазного общества», в которой «классовая борьба и должна быть окончательно решена оружием»¹⁷, причём к демократической республике, подобной той, что существовала тогда в Швейцарии или Соединённых Штатах, но которую лассальянцам «не хватило мужества требовать» в бисмарковском рейхе.

Наконец, Маркс критикует лассальянский миф о государстве и в отношении народного образования. В пику идее «народного воспитания через посредство государства» он заявляет, что следует «отстранить как правительство, так [...] и церковь от всякого влияния на школу»¹⁸.

Этатизм и демократизм

Маркс заключает: «Но вся программа, несмотря на всю демократическую трескотню, насквозь заражена верноподданнической верой лассалевской секты в государство или, что ничуть не лучше, верой в демократические чудеса, и, вернее, она является компромиссом между этими двумя видами веры в чудеса, одинаково чуждыми социализму»¹⁹.

На съезде в Готе 22–27 мая 1875 года 71 делегат от лассальянцев и 56 делегатов от эйзенахцев не приняли во внимание критику Маркса, которая пролежала в партийных архивах до 1891 года. Таким образом, Социалистическая рабочая партия Германии (объединившая СДРПГ и Всеобщий германский рабочий союз) с самого своего рождения носила черты демократизма, наследия 1848 года и национал-этатизма в лассальянском смысле.

В сопроводительном письме к “Замечаниям” Маркс писал: «Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ»²⁰. Таким образом, борьба за немецкую партию продолжалась, и 11 октября Энгельс писал Бракке: «Мы вполне разделяем Ваше мнение, что Либкнехт своим страстным желанием добиться объединения, заплатит за него любой ценой, испортил всё дело. [...] К счастью, программе повезло больше, чем она того заслуживает. Рабочие, буржуа и мелкие буржуа вычитали из неё то, что в ней должно было быть, но чего в ней нет. [...] Это дало нам возможность промолчать об этой программе»²¹.

Lotta comunista, ноябрь 2022 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 34. С. 100.

2 – Там же. С. 111.

3 – Там же. С. 105.

4 – Там же. Т. 19. С. 13.

5 – Там же. С. 20.

6 – Там же. С. 21.

7 – Там же. Т. 4. С. 434.

8 – Там же. Т. 19. С. 21–22.

9 – Там же. С. 22.

10 – Там же. С. 2.

11 – Там же. С. 24, 25.

12 – Там же. С. 4.

13 – Там же. С. 25.

14 – Там же. С. 26.

15 – Там же. С. 27.

16 – Там же. С. 27, 28.

17 – Там же. С. 28.

18 – Там же. С. 30.

19 – Там же.

20 – Там же. Т. 34. С. 111.

21 – Там же. С. 124, 125.

Издательская новинка

Растущая сила класса

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Пьермариа Даволи "Demografia e migrazioni nel mutamento epocale".

Демография, понимаемая как динамика численности населения Земли, и миграция, понимаемая как перемещение людей из одного региона мира в другой, не являются независимыми друг от друга явлениями. Они глубоко переплетены и взаимно влияют друг на друга в анархической динамике неравномерного развития и регулярных кризисов, характерных для капиталистического способа производства.

Сегодня в поле нашего интереса находится анализ этих аспектов в современных условиях, то есть в условиях капитализма в фазе его империалистической зрелости. Причина нашего интереса не является ни академической, ни буржуазной экономической: вопрос интересует нас с классовой точки зрения. Быстрый рост мирового населения, который постоянно замедляется, и непрерывное увеличение массы мигрантов, то есть мужчин, женщин и детей, переезжающих из своих родных регионов в другие, близкие, далёкие или очень далёкие, чрезвычайно укрепили наш класс. Они укрепили его численно, потому что в него вливается всё большая часть мирового населения. Они укрепили его и качественно, потому что перемещение людей из сельской местности в города (гигантскими, как известно, были и остаются китайское и индийское), но которое уже давно не ограничивается масштабами одной страны, а имеет континентальный и межконтинентальный масштаб, способствовали концентрации нашего класса и, тем самым, увеличению его объективной силы.

XXI век для населения мира – это век замедления роста и, возможно, достижения стационарной точки, которая может предшествовать только снижению. Отметка в восемь миллиардов будет пройдена в 2022 году; потолок может быть достигнут около 2085 года на уровне примерно 10,4 миллиарда. Но это также век отчётливого неравенства в темпах роста или снижения населения и, следовательно, абсолютных и относительных различий в демографических размерах держав. Ритмы демографических явлений медленны, но их развитие неумолимо, накапливая со временем плоды действующих тенденций. В мире есть регионы, где демографический процесс всё ещё идёт высокими, хотя и снижающимися темпами: например, большая часть Африки. Есть метрополии старых держав, почти все из которых борются с сокращением населения, которое было бы гораздо более значительным, если бы не компенсировалось массовыми вливаниями иммигрантов. Есть два азиатских гиганта, на долю которых приходится более трети населения мира, и оба они с задержкой в несколько десятилетий встали на путь снижения рождаемости до уровня ниже воспроизводства и, следовательно, неизбежного абсолютного сокращения населения. Для Китая этот момент уже наступил в 2022 году, для Индии он неумолимо надвигается через несколько десятилетий. К 2020 году, согласно последним оценкам ООН, две трети населения мира будут жить в странах, где средний коэффициент рождаемости ниже 2,1 ребенка на женщину, что является – хотя и с некоторым приближением – коэффициентом рождаемости, обеспечивающим стабильность населения.

Дорога обозначена, и она избивает последствиями. Наиболее очевидным из них являются сдвиги в рейтинге демографического веса государств. В 2000 году на десять ведущих демографических держав приходилось 65 % мирового населения; к 2050 году, согласно прогнозам ООН, их доля составит лишь 57 %. Более того, к середине века три из них покинут первую десятку (Россия, Бангладеш и Япония), а их место займут три африканские страны: Нигерия, Конго и Эфиопия.

Между тем, Индия уже обогнала Китай или сделает это в ближайшем будущем.

Другие последствия касаются возрастной структуры населения, которое во многих странах мира становится всё старше, относительно и теперь даже абсолютно сокращения потенциально активного населения, то есть рабочей силы, во многих странах мира, вызванных этим миграционными перемещениями и влиянием этих явлений на социальную и классовую динамику.

Этот путь, который предстаёт столь чётко обозначенным только сегодня, на самом деле был таковым уже на протяжении нескольких десятилетий. Тенденции были заметны с 1980-х годов и вытекали из тщательного анализа демографических данных, которые должны были изучаться с необходимой перспективой. Вспомним, как конец 1960-х годов ознаменовался массовой пропагандой о "демографической бомбе", которая подпитывала неомальтузианские идеологии в метрополиях империализма. На самом деле уже тогда в метрополиях начали проявляться новые тенденции.

Теперь, если мы перейдём от «абстракции населения» к «классам, из которых оно состоит», то сложно будет не заметить, что рост мирового населения сопровождался ещё более устойчивым ростом силы нашего класса. Число наёмных рабочих, которое, по нашим оценкам, в конце второго десятилетия XXI века составляло около двух миллиардов из 7,8 миллиарда жителей Земли, теперь ещё больше. Не только из-за численного роста населения, хотя и замедленного, но и потому, что наёмный труд становится всё более распространённой формой занятости. На рубеже веков на 2,64 миллиарда занятых (наёмные рабочие, самозанятые и огромное количество других форм трудовой деятельности, включая детский труд 150 миллионов детей и очаги близких аналогов рабства) приходилось 1,34 миллиарда наёмных рабочих – 51 %. Двадцать лет спустя, в 2020 году, из 3,41 миллиарда занятых наёмные рабочие составили 1,98 миллиарда, или 58 % занятых. Каждый год количество наёмных рабочих прирастало более чем на треть процентного пункта. В наиболее развитых странах, метрополиях империализма, они уже давно составляют 80–90 % занятых, и им суждено достичь этой доли и в развивающихся странах.

За двадцать лет с 2000 по 2020 год население мира выросло с 6,15 миллиарда до 7,79 миллиарда человек, при этом наёмные рабочие составляли 22 % населения в 2000 году и 25 % в 2020 году. Но если добавить к ним семьи (дети, студенты, пенсионеры), то можно подсчитать, что к классу наёмных работников будет принадлежать около двух третей мирового населения. Эта доля, несомненно, будет расти в той мере, в какой будут продолжаться распад крестьянства, миграция, индустриализация Африки, Азии и остальных развивающихся регионов мира.

Современные капиталистические миграции имеют, в конечном счёте, экономическую мотивацию. Под этим мы подразумеваем, что они приводятся в движение общим механизмом функционирования этого способа производства, который включает в себя, среди своих типичных и регулярных черт, кризисы, рыночную анархию и неравномерное развитие. Сюда относятся войны, голод, последствия природных явлений, которые оказывались непредвиденными даже тогда, когда это было бы технически возможно, словом, всё то, что является частью закономерности функционирования капитализма в его зрелой империалистической фазе. Попытки схематизировать миграцию, проводя различие между «выталкиванием и притягиванием» ("push and pull"), то есть «вынужденной» (вследствие войн, катастроф, засух и других природных явлений), а также относительного перенаселения и основанной на «привлечении» (производственных потребностях промышленно-

сти и услуг, не удовлетворяемых местным населением), служат интересам империалистической политики в отношении миграции и вытекающих из неё идеологий, которые в конечном итоге сводятся к расизму в различных формах его проявления.

Но реальность, с точки зрения марксистского анализа капиталистического развития, в сущности, проста. С одной стороны, вложения капитала нуждаются в рабочей силе для того, чтобы её эксплуатировать, и эта рабочая сила, если её нет на месте, приходит оттуда, где она есть. То же самое относится и к рабочим местам в сфере услуг, помноженным на паразитическую гипертрофию империалистической зрелости. С другой стороны, глобальное капиталистическое развитие на молекулярном уровне, протекающее в сельских районах мира, вызывает разложение социальной стратификации крестьянского мира, создаёт относительную перенаселённость и провоцирует отток населения на городскую периферию.

Нити, сплетающие эти сдвиги по всему миру, бесконечны. Но также это механизм, которым никто не управляет, который действовал, действует и будет действовать на основе колоссальных противоречий: кладбища мигрантов на границе

США и Мексики, на дне Средиземного моря, Ла-Манша, Балканского сухопутного пути и многие другие, менее известные, являются неопровержимыми свидетельствами. Не существует реального различия между экономическими миграциями (необходимыми для производственной машины капитализма) и миграциями беженцев (потоками, вызванными войнами, стихийными бедствиями и так далее). Сегодня существуют капиталистические миграции в фазе зрелого империализма: одна не может существовать, не существует и никогда не будет существовать без другой.

По последним данным на май 2022 года, предоставленным Международной организацией по миграции, профильным агентством ООН, количество международных мигрантов, то есть людей, проживающих в государстве, отличном от государства их происхождения, составляет 281 миллион человек. К этому следует добавить миграцию внутри границ отдельных государств: её гораздо сложнее подсчитать, но называются оценки в 763 миллиона человек. Совокупное число составляет 1,044 миллиарда человек, более 13 % населения мира.

Февраль 2023 г.

ПОРТСМУТ И КИЕВ

(Начало статьи на стр 1)

Мировые войны XX века в действительности позволили Китаю разбить расчёты держав, считает Фу Ин. Но в новом веке, «только преодолев прежнюю империалистическую эру [...] можно будет избежать начала войны». С одной стороны, «экономическая глобализация дарит больше пространства для мирного развития», с другой – «время от времени случаются региональные конфликты и войны определённого масштаба», которые омрачают век «неожиданными поворотами». По мнению Фу Ин, в XXI веке нужно «разорвать порочный круг войн и конфликтов прежней эры», ведь Китай «готов работать с другими странами, чтобы затормозить войну».

Можно отметить, что конструкция Фу Ин не исключает возможности войны, хотя и заключает в себе перспективу её затормозить – это действительная внешнеполитическая линия, встроена в новое китайское каутскианство, которое претендует на преодоление «войн империализма» в целях продолжения глобализации. Содержится здесь и аналогия с восхождением Соединённых Штатов, которое век назад было представлено как преодоление старого колониализма под знаком «открытых дверей» как синтеза всеобщего интереса держав к разделу. Наконец, новый Катехон (сдерживающая сила) унитарного империализма сегодня обращается к другим державам, в том числе чтобы продлить фазу, благоприятную для его собственного восхождения, он поддерживает единство, чтобы поощрить, подготовить и укрепить свою линию раскола.

Долгий путь возвращения к Вашингтону

Фу Ин предупреждает – вероятно, с намерением научить китайские течения, – что «стратегические корректировки» в США происходят «часто через попытки». Цзинь Цаньжун, ректор школы международных исследований университета Жэньминь, в интервью изданию "Гуаньча" даёт оценку американской политике «двойного сдерживания» Китая и России: об этой «вопиющей стратегической ошибке» предупреждали Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский. Вашингтон продолжает со «стратегической лёгкостью» сблизить Москву и Пекин, заставляя их искать «стратегические сдвиги», такие как китайское посредничество между

Ираном и Саудовской Аравией в Персидском заливе; время покажет, не приведёт ли переосмысление к «своевременной корректировке».

У Ньюбо, директор Центра американских исследований университета Фудань в Шанхае, недавно встретился с американским послом Николасом Бёрнсом. Нынешнюю ситуацию можно сравнить с переходом от эпохи «весен и осеней» к эпохе «сражающихся царств» в Китае в V в. до н. э. Отсылка к этому периоду борьбы за верховенство намекает на возможность фазы «нестабильной многополярности», а также того, что Китай и Штаты «могут иметь конфликты в будущем». Поскольку окно для активного влияния на американские течения «понемногу закрывается», по мнению У, Пекин должен усилить дипломатическую инициативу в направлении «третьих стран», чтобы вновь иметь влияние «в игре с США».

Карту Киева сыграл и Пекин

Схожую точку зрения имеет Ли Хайдун из Института международных отношений Университета иностранных дел Пекина, в прошлом полемизировавший с течениями «американской партии» в Китае. По его словам, выход из «тупика» в отношениях с Вашингтоном может предоставить дипломатическое взаимодействие с Европой. В этом ключе прошла китайская миссия в Киеве: Пекин предложил Евросоюзу посредничество в отношениях с Москвой, а также рычаг против американского давления.

Чжан Вэйвэй, ректор Института Китая в университете Фудань и теоретик китайской исключительности, поделился наблюдением во время своего выступления по поводу внешней политики на шанхайском Dragon TV: «Впервые в современной истории Китая, действуя как глобальная держава, начал посредничество в конфликте в Европе».

Таковы координаты беспрецедентного китайского «1905 года» в смысле международного посредничества по аналогии с тем, что осуществляли Штаты между Россией и Японией. С одной стороны, оно откладывает кризис порядка, но с другой – ускоряет его динамику, поскольку санкционирует политическое восхождение нового гиганта.

Lotta comunista, май 2023 г.

Мировое сражение в автопроме

Травма электрификации

Пандемия, кризис в цепочках поставок, энергетический кризис, война на Украине – все эти факторы обусловили ускорение мировой реструктуризации в автомобильном секторе.

Реконверсия,
навязанная сверху

Согласно наиболее распространённой точке зрения, электрификация автомобиля навязана необходимостью разрешения проблем глобальной автомобилизации. В конце I-го квартала 2022 года по миру передвигалось около 1,1 млрд автомобилей: 114 машин на 1 тыс. человек. В Европе – 570 на 1 тыс. человек. Если европейский уровень автомобилизации станет общемировым, то единиц автотранспорта будет более 4,5 млрд. Это означает грандиозные перспективы рынков и прибылей для мировой автомобильной промышленности, а также потенциальные геополитические конфликты из-за неравномерного распределения нефти в мире и колоссальную дорожную загруженность в городах, которая «превратит автодвижение в автонеподвижность» (Attias D. *The Automobile Revolution*, 2017). И, видимо, электрификация автомобиля будет навязана необходимостью снижения нефтезависимости. Но марксистский анализ показывает, что скачок в электрификацию используется в мировом сражении в автопроме, которое ведут крупные группы и державы, взяты хотя бы китайское вторжение в сектор.

Кризис в мировой автомобильной промышленности последних пяти лет не может объясняться лишь закрытием заводов во время пандемии, нехваткой полупроводников и ростом цен на сырьё – эти факторы лишь ускорили и обострили уже протекавшие процессы. Кризисные тенденции были видны ещё в 2018–2019 годах. Причины имеют структурный, а не конъюнктурный характер – это переход от двигателя внутреннего сгорания к электродвигателю и, как следствие, неизбежная реконверсия всех заводов, связанных с сектором; это процесс разрушения старого постоянного капитала и создания нового, создающий дисбаланс по всей цепочке создания стоимости: от производства деталей до сборки.

После мирового роста в производстве автомобилей в 2010–2017 годах с 77,6 до 97,3 млн (+25,4 %) последовало падение на 5,7 % с 2017-го по 2019 год. Наибольшее падение было зафиксировано в Германии (-17,5 %) и Китае (-11,4 %). Два локомотива Китая и Германия были центрами кризиса ещё до пандемии ковида. В 2021 году в мире произвели 80,2 млн автомобилей против 97,3 млн в 2017-ом – падение составило 17,6 %. В Китае спад составил 10,1 %, в ЕС – 29,9 %, в США – 18,1 %, а наибольший спад пришёлся на Германию: -41,4 %.

Данные по ФРГ следует рассматривать не только в контексте пандемийного локдауна: они отражают решимость крупных немецких автомобильных групп продолжать движение в направлении индустрии 4.0 с цифровизацией производственных процессов наряду с электрификацией транспорта. Обвал производства в 2021 году до 3,3 млн автомобилей в Германии соответствует производству 13,3 млн автомобилей во всех регионах мира тремя основными немецкими производителями, Volkswagen, BMW и Mercedes, которые посредством индустрии 4.0 строят «мировые фабрики». Их основные производственные мощности всё чаще располагаются за пределами ФРГ, а в самой Германии остаётся производство с высокой добавленной стоимостью, проведение исследований и мозг всей мировой организации.

Эту модернизацию навязывает Европейская комиссия в рамках экологической промышленной политики. По словам Мелани Пихлер, Норы Кренмайр, Этьена Шнайдера и Ульриха Бранда (*EU industrial policy: Between modernization and transformation of the automotive industry*, 2021), европейская промышленная политика сосредотачивается на эффективности и переходе к технологиям с низким уровнем выбросов, которые способствуют конкуренции и экономическому росту. Индустриальная стратегия Еврокомиссии направлена на то, чтобы Европа «становилась более конкурентоспособной по мере превращения промышленности в более зелёную и циклическую», а также на «формирование ведущих рынков чистых технологий и гарантирование мирового лидерства нашей промышленности» (*A New Industrial Strategy for Europe*, 2020).

Автомобильная промышленность ни разу за свою историю – за исключением периода второй мировой войны, когда во всех странах она была мобилизована правительствами на военное производство – не находилась в ситуации, когда именно государственная промышленная политика навязывала, какой двигатель должен преобладать.

Сегодня правительства делают это с помощью введения строгих правил, регулирующих выбросы.

Последние пять лет

8 июня 2016 года член правления BMW Иан Робертсон написал в *Automotive News*, что «в следующем десятилетии, вероятно, будет больше перемен и подвижек, чем случилось за весь прошлый век». За последние 5 лет отношения между автопроизводителями уже изменились.

Капитализм – это производство и воспроизводство капитала, каждый товар обладает потребительной и меновой стоимостью: сравнение производителей

только по объёмам выпуска автомобилей даст искажённую картину происходящего. Удельная стоимость моделей зависит от доходов потребителя, на которого они рассчитаны, в соответствии со старой стратегией Альфреда Слоуна: «Автомобиль для каждого кошелька». Электрический переход не затрагивает слои с высоким доходом и верхние сегменты рынка, влияя на сегмент для страт с низким и средним уровнем дохода.

При падении объёмов производства доходы BMW, Audi и Mercedes-Benz выросли в среднем почти на 25 % по сравнению с допандемийным 2019 годом, согласно анализу банка Stifel для *Financial Times* от 26 декабря 2021 года. Средний доход с одного автомобиля марки Mercedes-Benz вырос с почти 38 тыс. евро в 2019-ом до более чем 54 тыс. евро в 2021 году, а Audi – с более чем 46 тыс. до примерно 57,5 тыс. По сравнению с прошлым годом операционная прибыль Porsche за первые девять месяцев 2022 года выросла на 41 % и составила 5,05 млрд евро. Mercedes обещает высокие прибыли вопреки мрачным прогнозам (*Automotive News*, 08.10.2022). Можно считать это стратегическим выбором: крупные участники ставят на высокие прибыли в верхней части рынка для финансирования электрического перехода.

С 2017 по 2021 год продажи группы Volkswagen упали с 10,9 до 8,3 млн автомобилей, тогда как оборот вырос с 240 млрд до 296 млрд долларов (+23,3 %), при этом средний показатель на один автомобиль вырос с 22 тыс. до 35,6 тыс. долларов. В 2021 году, несмотря на локдаун и коронакризис, чистая прибыль Volkswagen составила 17,5 млрд долл., то есть более 2 тыс. долл. с каждого автомобиля. В 2017 году, до пандемии, чистая прибыль VW составила 5,7 млрд долл., 523 долл. за автомобиль; в 2018 году с 11 млн автомобилей прибыль составила 13 млрд, 1,2 тыс. долл. за автомобиль.

У группы Volkswagen есть 12 марок. В 2021 оборот двух элитных – Porsche и Audi – составил 100 млрд долл. при 2 млн проданных автомобилей, тогда как марка Volkswagen получила прибыль в 90 млрд долл. при 4,9 млн проданных автомобилей. Стоит отметить сильный рост компаний, которые впоследствии войдут в Stellantis (слияние PSA-Citroën с Opel и FCA): за пять лет с 2017 до 2021 года их оборот вырос на 44 %.

С другой стороны, оборот Альянса Renault-Nissan-Mitsubishi снизился на 16,6 %. Американские компании Ford и General Motors также переживают резкий спад (-10,5 % и -23,5 % соответственно). Для американских производителей переход будет болезненным: Tesla Motors не может направить электрический переход американской автомобильной промышленности самостоятельно: игра также ведётся в Детройте при участии General Motors и Ford.

Неравномерные темпы
электрификации

В области электрификации мы также видим активный рост Volkswagen и Stellantis, бросающих вызов Tesla, и потерю импульса альянсом Renault-Nissan-Mitsubishi, который ранее под руководством Карлоса Гоно был пионером в области электрификации. В 2015 году альянс стал ведущим мировым производителем электрифицированных автомобилей (электрических и гибридных) с 65.118 проданными автомобилями, опередив компанию Tesla с 48.055 автомобилями. К 2021 году альянс опустился на девятое место с 236 тыс. уступив группе Stellantis.

С 2016 по 2021 год, когда мировое производство всех автомобилей сни-

ПРОДАЖИ

млрд долларов		2017	2021	Разн. в % 2017–21
1	VW GROUP	240	296	+23,3
2	Toyota	250	282	+12,8
3	Mercedes	170	179	+5,3
4	Stellantis	123	177	+43,9
5	Альянс Nissan-Renault-Mitsubishi	181	151	-16,6
6	Ford	152	136	-10,5
7	BMW	104	131	+26,0
8	Honda	128	130	+1,6
9	GM	166	127	-23,5
10	SAIC	123	121	-1,6
11	Hyundai-Kia	81	103	+27,2

ЭЛЕКТРОМОБИЛИ

Продажи в 2021 г.		Доля в %	
1	Tesla (США)	936 172	13,9
2	VW (ФРГ)	757 994	11,2
3	SAIC-GM-Wuling (КНР)	638 086	10,1
4	Toyota (Япония)	674 450	10,0
5	BYD (КНР)	593 878	8,8
6	GM (США)	516 600	7,6
7	Stellantis (Нидерланды)	360 953	5,3
8	BMW (ФРГ)	328 316	4,9
9	Альянс Nissan-Renault-Mitsubishi (Фр.-Яп.)	236 000	3,5
10	Hyundai (Ю. Корея)	160 000	2,4
прочие		1 502 551	22,3
всего		6 750 000	100,0

Продажи в 2016–2021 гг.

	Тысячи	Доля в %
2016	792	0,9
2017	1 263	1,3
2018	2 082	2,2
2019	2 276	2,5
2020	3 240	4,2
2021	6 750	8,3
Из которых:		
КНР	3 396	50,3
Европа	2 232	33,1
Сев. Америка	735	10,9
прочие	387	5,7

Источник для всех таблиц: наша обработка данных OICA, Forbes, Jato, EV Volume.com

зилось, продажи электрифицированных автомобилей – как гибридных (PHEV), так и чисто электрических (BEV) – выросли с 792 тыс. до 6,75 млн, а их доля в общем количестве всех зарегистрированных автомобилей со всеми двигателями с 0,9 % достигла 8,3 %.

В 2021 году Volkswagen с 757.994 электрифицированными автомобилями стала вторым по величине производителем в мире, догоняя Tesla с 936.172. Китай является крупнейшим рынком электромобилей, на который приходится 50 % мировых продаж.

Климат и, значит, идеология борьбы с изменением климата – это новый фронт противостояния между крупнейшими мировыми державами за научное и технологическое превосходство, возвращающегося посредством цифровизации и энергетического перехода.

Lotta comunista, январь 2023 г.

Автомобильная продукция (в млн ед.)

	Процентная разница по периодам									
	2010	2017	2018	2019	2020	2021	2010	2017	2019	2021
КНР	18,26	29,02	27,81	25,72	25,23	26,08	+58,9	-11,4	-1,9	-10,1
ЕС	15,50	16,68	16,25	15,78	12,23	11,70	+7,6	-5,4	-21,9	-29,9
– ФРГ	5,59	5,65	5,12	4,66	3,74	3,31	-4,4	-17,5	-19,7	-41,4
– Испания	2,39	2,85	2,82	2,82	2,27	2,10	+19,2	-1,1	-19,5	-26,3
– Франция	2,23	2,23	2,27	2,20	1,32	1,35	=	-1,3	-40,0	-39,5
– Великобритания	1,39	1,75	1,60	1,38	0,99	0,93	+25,9	-21,1	-28,3	-46,9
– Италия	0,84	1,14	1,06	0,92	0,78	0,80	+35,7	-19,3	-15,2	-29,8
США	15,46	11,19	11,31	10,88	8,82	9,17	-27,6	-2,8	-18,9	-18,1
Япония	7,74	9,69	9,73	9,68	8,07	7,85	+25,2	-0,1	-16,6	-19,0
Индия	3,56	4,78	5,17	4,52	3,39	4,40	+34,3	-5,4	-25,0	-7,9
Южная Корея	4,27	4,11	4,03	3,95	3,51	3,46	-3,7	-3,9	-11,1	-15,8
Прочие	12,79	21,83	21,32	21,25	16,29	17,49	+70,7	-2,7	-23,3	-19,9
Всего	77,58	97,30	95,62	91,78	77,63	80,15	+25,4	-5,7	-15,4	-17,6

Немецкий вопрос и европейское единство

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Федерико Дальвита и Яна ван Лангенховена *“L'Europa nella crisi del ordine”*.

Статьи, которые мы здесь представляем, дополняют рубрику “Европейские хроники” и собраны в книге “Европа в глобальных коллизиях”¹. В ней анализировался мучительный процесс перехода Европы к более высокой степени континентальной централизации, большей стратегической автономии и установления равноправной дуополии с Соединёнными Штатами. Основным двигателем этого движения являются великие тенденции упадка Атлантики и восхождения Азии, но влияют на него и противоречия глобального противостояния.

Теперь в этот процесс врывается украинская война – вооружённое проявление бурных лет кризиса порядка и нарастания противостояния между континентальными образованиями. Война, которую российский империализм развязал в надежде воспользоваться кризисом порядка, вызванным китайским вторжением, поляризует соотношение сил в сторону Атлантики, подвергает испытанию стремление Европы к стратегической автономии, выстраиваемой вокруг рейнской оси, пробуждает воинственные настроения поляков и прибалтов и расшатывает немецкую систему альянсов. По выражению канцлера Германии Олафа Шольца, речь идёт о *«Zeitenwende»* – поворотном моменте ускорения хода истории, вскрывающем как потенциал, так и слабости Европы.

Обнажается отсутствие централизации, о чём свидетельствует чёрный юмор французских комментаторов, а вместе с ним и затяжной характер строительства ЕС. Российское вторжение на Украину обязывает немецкую державу пересмотреть свою длившуюся десятилетиями Ostpolitik и защищать – в контексте утверждения сил, ведущих к расколу империализма – прежнюю многосторонность, политику баланса и амбивалентность между Атлантикой и Азией, которая до сих пор была скрытой, а также формировать в тени НАТО европейскую стратегическую автономию. В Париже заметно недовольство тем, что потерпела неудачу доктрина Макрона о европейской *«сбалансированной державе»*, которая была бы нацелена на *«европейский суверенитет»* и способна поддерживать зрелый силовой диалог с Москвой, а также обеспечивать стратегическое управление наравне с Вашингтоном.

Однако центр тяжести рейнской оси и всего континента находится в точке евроатлантизма, так что развитие связи с США и трансформация этой связи в направлении большей стратегической автономии Европы протекают в рамках единого процесса. В книге *“Die Grenzen der Macht”* (“Пределы державы”) историк Михаэль Штюрмер пишет, что *«из поражения в двух мировых войнах немцы сделали важный вывод: они могут и даже должны действовать только в рамках союзов и объединений»*.

В рамках многочисленных альянсов, сейчас предоставленных в распоряжение европейского империализма, в которых Германия действовала начиная с послевоенного периода, связи с Россией, которым мы дали определение *«энер-*

гетического Рапалло», можно считать третьим фундаментальным союзом наряду с трансатлантическим союзом и франко-европейским Westbindung. Теперь война по крайней мере на десятилетие резко оборвала или поставила под угрозу связи с Москвой.

К этим трём ориентирам немецкой и европейской державы добавляется четвёртый – интенсивные экономические связи с Китаем. В 1980-х годах двойственные отношения между Атлантикой и Азией использовались Германией в отношении Японии, пока в 1989 году они не стали рычагом, чтобы вырвать согласие США на воссоединение страны; сегодня он направлен на Китай и остальную часть Индо-Тихоокеанского региона в попытке договориться с атлантическим союзником о равноправной дуополии и кооптации восходящих держав в рамках реформированной глобализации.

Штюрмер указывает на своеобразный характер немецкой традиции, восходящий к геополитическому положению и древней истории Германии: *«Быть центром и мостом – давняя немецкая мечта. Она старше послевоенного периода и воссоединения, старше Бисмарка и Пруссии. Она уходит своими корнями в Священную Римскую империю, которая пыталась создать европейский порядок из центра, но безуспешно»*. Историк Генрих Август Винклер в тексте *“Wiewir wurden, waswirsind”* (“Как мы стали теми, кто мы есть”) указывает, что *«миф об Империи»* уходит своими корнями в немецкую идеологию, для которой характерна апелляция к библейскому образу Катехона – силе, способной спасти мир от гибели. Но желание быть *«в центре»*, подчёркивает Штюрмер, было для Германии *«вечной проблемой, иногда мечтой, но в основном травмой»*.

После Тридцатилетней войны, когда Германия потерпела катастрофу, в последующие века проблема Германии как *«средней державы»* наполнялась капиталистическим содержанием, отражавшим её диалектику единства и раскола. В империалистическом XX веке, когда Берлин пытался быть *«центром»* посредством силы, он, по выражению Штюрмера, должен был осознать свои *«ограничения»* в катастрофах двух мировых войн. Наученная разрушением себя и континента, в *«эпохальный поворотный момент»* европейского единства Германия пришла к континентальной интеграции и атлантической связи, чтобы решить *«немецкий вопрос»*: *«Идея немецкого центра Европы не имеет под собой реальной основы. История припасла слишком много предупреждений на такой случай. [...] Поэтому в число условий, выдвинутых Западом для одобрения объединения Германии, входило подтверждение её роли в реформированном Атлантическом союзе и укрепление европейской соединительной ткани»*.

В рамках этой евроатлантической расстановки, определённой послевоенный либеральный порядок, Германия и защищает линию расширения альянсов и интеграционных объединений глобализации до уровня, необходимого в новой стратегической фазе, т. е. в эпоху конфронтации между державами континентальных масштабов. Сегодня, когда тот либеральный порядок, который в XX веке отождествлялся с американским превосходством, переживает кризис, столкнувшись с восхождением

Китая и закатом Атлантики, это также относится и к американским течениям, скорее *«миссионерским»*, чем реалистским, склоняющимся к межблоковому противостоянию. В США и Европе разные объективные ориентиры держав, а также разные исторические и политические традиции порождают разные склонения одной и той же концепции Запада и западного единства.

ЕС, который, начиная со своего немецкого компонента, является в основном экономической и экспортной державой, делает акцент на открытии торговли и на переговорах в соответствии со своими стратегическими ориентирами, то есть на *унитарном моменте* диалектики единства и раскола, и это отражает тот факт, что ЕС, по выражению Ангелы Меркель, – это *«многосторонний проект»*, направленный на объединение усилий множества стран внутри себя и на защиту либерального порядка, основанного на правилах, снаружи. Но при капитализме открытие обменов и развитие рынков всегда сопровождается разделением на классы и государства и всеобщей борьбой за раздел этих рынков. Таким образом, процесс европейского объединения, защищая многосторонность, укрепляет определённый полюс силы в многополярном противостоянии, усиливая империалистический раскол.

Пандемия столетия, как и другие кризисы прошлого, стала катализатором лидерства федеральных властей. Наряду с развитием здравоохранения и общей промышленной политики был сделан решающий шаг в области бюджетной централизации. Появились даже разговоры о *«гамильтоновском моменте»* в процессе усиления европейских *«биржевых мощностей»*, ставшего возможным благодаря выпуску общего долга: *“Next Generation EU”* (NGEU) – бюджетные мощности, управляемые федеральной властью Еврокомиссии, которая вышла усиленной из испытания пандемией, могут выступить в качестве сильного социал-империалистического инструмента по обеспечению внутренней сплочённости и использования государственной власти как оружия в борьбе на континентальном уровне.

Опыт пандемии ускорил движение к *«Европе, которая защищает»*, в соответствии с формулой Эмманюэля Макрона. Бюджетные мощности европейского долга, испытанные во время санитарного кризиса, и отстаиваемая Францией промышленная политика заявляют о себе – с помощью других механизмов, таких как *“REPowerEU”* и *“European Chips Act”* – в качестве инструментов государственного вмешательства в различные области мировой конкуренции: от *«зелёного»* перехода до цифровых технологий и микроэлектроники. Ведутся дебаты о создании европейского суверенного фонда, который станет реакцией на американский протекционизм, отразившийся в таких мерах, как *“Inflation Reduction Act”* (IRA), или технологическое отречение восходящих держав и китайского государственного капитализма. Европа с её амбивалентной формулой *«открытой стратегической автономии»* защищает либеристский знак экономического цикла, но в то же время наделяет себя суверенными полномочиями: китайское вторжение навязало дирижизм и силу государства как оружие в противостоянии, градус которого повышается.

Национальные государства оказываются бессильными перед процессами, разворачивающимися в масштабе целых континентов – Азии или Африки. Национал-социалистские партии, наученные британским кризисом, испытывают европейское раскаяние и садятся на привязь Брюсселя, обладающего деньгами и способностью обуславливать. Перед лицом великих глобальных потрясений эти политические силы, но-стальгически цепляющиеся за старый хлам национализма и мифов о родине, поспешно приспосабливаются к евронациональным дозировкам и грациям, чему в итальянском случае помогает непревзойдённая в своём мошенничестве трансформистская традиция. Заботясь, прежде всего, о подсчёте голосов, эти партии используют ксенофобские и охранительские темы, разжигая самые ядовитые и реакционные идеологии, которые отрицают международное единство нашего класса. Для них, вероятно, открывается возможность сыграть роль пограничных *«сторожевых псов»* в *европейской империалистической политике в отношении иммиграции*. Однако и в этой сфере из-за прогрессирующих демографических зим в старых державах – от Америки до Европы и Японии – всё больше проступают контуры конкуренции за обеспечение миграционных потоков, с помощью которых можно восполнить нехватку рабочей силы и обеспечить тяжёлое бремя государственного долга и соцобеспечения.

Европейский империализм, испытывающий трудности в процессе политической централизации множества государств и надстроек, сталкивается с ещё одним противоречием: правящий класс Европы вынужден бороться за перезапуск континента, но в то же время должен найти связь с массовой базой, отступающей в страхе перед упадком Атлантики. Новый глобальный курс на утверждение государственной власти, уже ставший структурным, мог бы предложить необходимый виадук – европейский социал-империализм континентального масштаба, использующий силу государства для защиты напуганной и разгневанной массовой базы.

Брексит – яркое проявление этого политического цикла, отражающего мелкобуржуазные и собственнические страхи, а также демографическое старение, при котором распространяется психологическая черта недоверия к молодым силам иммиграции. Но разрыв с ЕС ограничивает Лондон и его массовую базу государственными средствами приходящей в упадок средней державы, где кризис соцобеспечения и социал-демократизации, свойственный всем старым метрополиям, не сможет быть разрешён за счёт континентального масштаба. Теперь полигоном для английской островной идеологии является украинская война и её последствия. Повышение уровня разногласий свидетельствует о стратегическом ущербе, который нанёс Великобритании Брексит, лишивший Лондон стратегической глубины, которая обеспечивалась политической и институциональной связью с континентальной массой ЕС.

Lotta comunista, март 2023 г.

1 – На русском языке книга выпущена в 2019 году АНО “ЦМИ «Новый Прометей»”.

Партия Неру и Индиры Ганди в дилеммах федерализма

Индийский национальный конгресс (ИНК), изначально управлявший только 2 штатами Индийского союза, сейчас пытается модифицировать свою централизованную структуру, введённую Индирой Ганди. Именно об этом говорит избрание на пост президента партии 80-летнего Малликарджуна Кхарге – первого за последние два десятилетия руководителя, происходящего не из семьи Неру – Ганди. *The Economist* и многие англоязычные газеты Индии считают, что эти выборы были фарсом с предreshённым исходом. С другой стороны, Салман Хуршид, министр иностранных дел при Манмохане Сингхе в 2012–2014 годах, предлагает не преуменьшать значение этого «эволюционного изменения», так как цена «революционного изменения» была бы очень высокой и непредсказуемой.

Суждение Зои Хасан из Университета им. Джавахарлала Неру в Нью-Дели сформулировано более чётко. Она описывает глобальный кризис социал-демократических партий и считает, что после трёх десятилетий либерализации есть место для «нового курса», способного примирить разнонаправленные тенденции внутри государства, а также возлагает свои надежды на *Бхарат Джодо Ятра* (марш за объединение Индии), который охватывает всю страну с юга на север: возглавляющий ИНК Рахул Ганди идёт по стопам Махатмы, реорганизуя ряды партии и пытаясь синтезировать «три Индии».

Менее чем через 18 месяцев пройдут всеобщие выборы. Если партия предпочтёт действовать, сохраняя преемственность, а не провоцируя изменения, то она рискует превратить эту предвыборную битву, и прежде всего то, что развернётся за штат Махараштра (со столицей в Мумбаи), в настоящую борьбу за выживание.

Взлёт и падение Индийского национального конгресса

Индийский национальный конгресс имеет почти 140-летнюю историю. Сегодняшняя партия насчитывает 60 млн членов и является наследницей Индийского национального конгресса (И), родившегося в 1970-х годах после серии расколов. В то время Индира Ганди, чтобы противостоять могущественным региональным сатрапам, сосредоточила власть в так называемом Рабочем комитете (РК).

В середине 1990-х годов буква «И», означавшая «Индира», была ликвидирована, но РК всё ещё оставался эпицентром принятия решений, и ему становилось всё труднее представлять интересы различных фракций, порождаемых неравномерным экономическим развитием. В 90-е годы с приходом П. В. Нарасимхи Рао, а затем Ситарамы Кесри, произошли столкновения между президентом и РК: Рао заменил избранного руководителя РК одним из своих назначенцев, а Кесри в 1998 году был исключён из РК, снят с поста президента и заменён Соней Ганди. С тех пор выборов в РК больше не было, и его члены всегда назначались.

В электоральном плане на национальном уровне до середины 1980-х годов ИНК сохранял поддержку порядка 30 % голосов: с тех пор его результаты неуклонно снижались и в 2019 году достигли почти 20 %. Что касается мест в парламенте, то их количество уменьшилось с 300 (из 543) до 100 за двадцать лет с 1989 по 2009 год, а затем рухнуло до 44 в 2014-ом и 52 в 2019 году. На региональном уровне в 2012 году ИНК возглавлял 12 из 28 штатов; по состоянию же на 2022 год он управляет только двумя (Раджастхан и Чхаттисгарх), а ещё в трёх штатах (Та-

РУКОВОДЯЩИЙ КОМИТЕТ

После последних президентских выборов ИНК возглавляет руководящий комитет, в который входят президент, все предыдущие члены РК и большая часть секретариата. Состав этого руководящего комитета лишь подчёркивает дисбаланс регионального представительства в высшем руководстве партии: президент и организационный секретарь выбираются южными штатами, а видные лица из северной Индии на этих постах отсутствуют. При этом состав комитета следующий: представителей севера – 50 %, юга – 25 %, запада – 10 %, востока – 10 % и северо-востока – 4 % (Centre for Policy Research, Нью-Дели). Профили некоторых из его участников мы приведём ниже.

Рахул Ганди. 52 года, член семьи Неру – Ганди, он является национальным лицом ИНК и членом РК. Официально вошёл в политику в 2004 году, когда был избран в Лок Сабха от штата Уттар-Прадеш (это место традиционно занимали именно члены семьи Неру – Ганди). В 2017 году он сменил свою мать Соню на посту президента партии, но ушёл в отставку в 2019 году после провала на всеобщих выборах: он потерпел поражение в штате Уттар-Прадеш, но получил поддержку в штате Керала. С сентября он возглавляет движение Бхарат Джодо Ятра, которое прошло всю Индию с юга на север – 3500 км.

К. С. Венугопа. 59 лет, по специальности математик, член РК и оргсекретарь партии. Считается вдохновителем попыток обновления ИНК, он был представителем штата Керала в Лок Сабха (до 2019 года) и министром авиации и энергетики во втором правительстве Объединённого прогрессивного альянса (ОПА).

А. К. Антоний. 81 год, юрист, член РК и один из самых влиятельных политиков партии. Он трижды был главным министром штата Керала и министром обороны в правительствах ОПА. Рахул Ганди называет его своим «гуру».

П. Чидамбарам. 77-летний юрист, считающийся вместе с Манмоханом Сингхом одним из инициаторов реформ по либерализации 1991 года, является членом РК. Он семь раз был представителем штата Тамилнад в Лок Сабха и министром внутренних дел и финансов в двух правительствах ОПА.

Аджай Макен. 58 лет, обладает степенью в области химии, является членом РК и генеральным секретарём партии в штате Раджастхан. Он дважды был представителем Нью-Дели в Лок Сабха и министром жилищного строительства и борьбы с городской бедностью во втором правительстве ОПА.

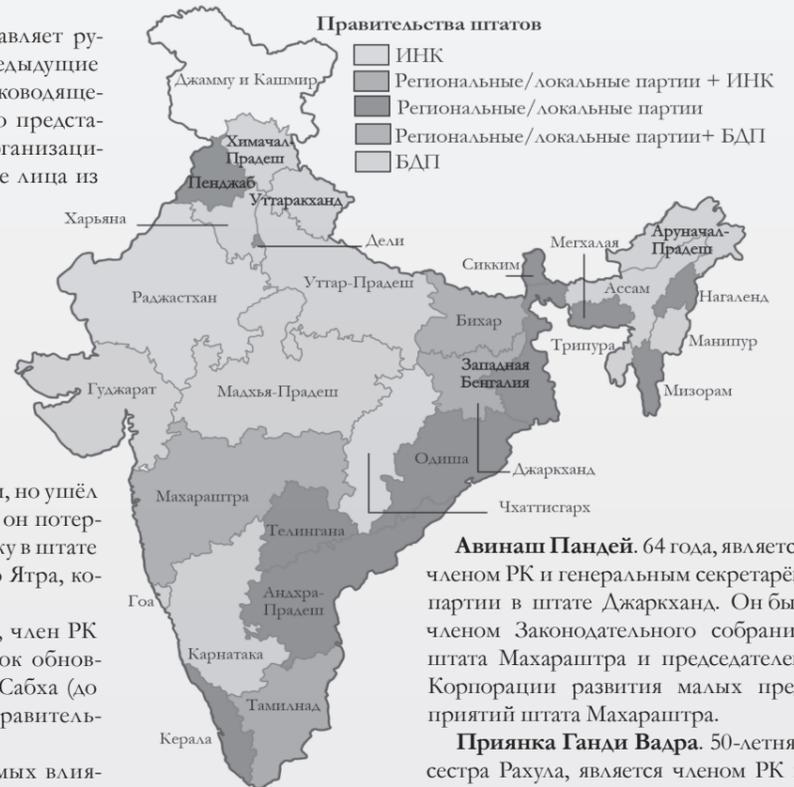
милнад, Бихар и Джаркханд) находится в коалиции с основной партией.

Конец партии Индиры?

Ускоряющийся спад привёл к реорганизации партии с переизбранием её центральных и периферийных органов (в штатах и округах), а также президента партии (в октябре прошлого года). Девять тысяч делегатов от 28 комитетов, входящих в Конгресс Прадеш, – выборных партийных органов в штатах, – избрали Кхарге 88 % голосов против 12 % за Шаши Тхарура. Поскольку количество делегатов от каждого штата пропорционально его населению, решающий вес имели голоса крупных северных штатов, прежде всего Уттар-Прадеш. Сравните этот результат с выборами 1997 года, на которых Кесри победил с 83 % голосов против 12 и 5 % у его противников: на последующих выборах в РК его соперники получили большинство фактически заблокировав функционирование комитета, пока не было достигнуто новое равновесие под председательством Сони Ганди.

80-летний Кхарге – один из самых влиятельных лидеров штата Карнатака. Его кандидатуру поддержали все главы комитетов Конгресса Прадеш. 66-летний Тхарур, бывший дипломат, является членом Лок Сабха (нижней палаты парламента Индии) от штата Керала. Он выступает за децентрализацию как внутри партии, так и в федеральной системе Индии. Большинство голосов в его пользу поступило от южных (кроме штата Карнатака) и восточных штатов.

По мнению профессора индийской истории и политической теории Кембриджского университета Шрути Капила, это поворотный момент: централизованной партии Индиры Ганди пришёл конец. Амбар Кумар Гош из мозгового центра Observer Research Foundation

Авинаш Пандей. 64 года, является членом РК и генеральным секретарём партии в штате Джаркханд. Он был членом Законодательного собрания штата Махараштра и председателем Корпорации развития малых предприятий штата Махараштра.

Прианка Ганди Вадра. 50-летняя сестра Рахула, является членом РК и генеральным секретарём партии в штате Уттар-Прадеш. Её поддерживает часть партийных лидеров, которые хотели бы, чтобы в будущем она стала лидером ИНК.

Рандип Сингх Сурджевала. 55 лет, юрист, член РК и генеральный секретарь партии в штате Карнатака. Он дважды был членом Законодательного собрания штата Харьяна.

Адхир Ранджан Чоудхури. 66 лет, является постоянным членом РК и лидером ИНК в Лок Сабха, где представляет Западную Бенгалию. Он был министром путей сообщения во втором правительстве ОПА.

Маникам Тагор. 47 лет, постоянный член РК и генеральный секретарь партии в штате Телангана. Он представляет штат Тамилнад в Лок Сабха.

(ORF), основанного семьёй Амбани, более осторожен: поиск баланса между единством и автономией местных лидеров оказался трудной задачей как для национальных, так и для региональных партий.

Динамику ИНК определяют электоральные циклы

Кхарге произнёс свою первую речь на хинди, критикуя концепцию «новой Индии» Бхаратия джаната парти (БДП), не используя при этом слово «фашизм» и обращаясь ко всем слоям общества. Но для многих газет победителем этих выборов должен был стать Тхарур, он – одновременно упущенная возможность, а также единственная перспектива для ИНК.

Капила не согласна: сделав выбор в пользу Кхарге, ИНК всего лишь начинает игру в прятки с БДП, охотясь за электоратом *далитов* (не относящихся ни к одной касте). Капила критикует англоязычные СМИ за их слепоту, состоящую в том, что они отвергают Кхарге, считая его просто старым рупором Ганди, и изображают Тхарура как единственного представителя избирателей, стремящихся подняться в обществе.

Кхарге немедленно создал руководящий комитет из 47 членов, которые заменят РК до его нового назначения, которое должно состояться в начале следующего года: это временное окно между предстоящими выборами в штате Гуджарат и следующими выборами в штате Карнатака (последние состоятся весной). *The Times of India* не ожидает больших изменений до всеобщих выборов 2024 года: в раундах следующего года участвуют только два штата, которыми ИНК управляет, и три, в которых он имеет значительный вес. Кхарге придётся потрудиться, чтобы вернуться, но уже в другой форме, к системе принятия решений на основе консенсуса

между могущественными региональными лидерами.

Бхарат Джодо Ятра и искусство коалиций

Для некоторых газет избрание Кхарге могло бы способствовать формированию союза между оппозиционными партиями: санкционирование менее оперативной роли Рахула Ганди может лишить ИНК возможности руководить коалицией. Это, кажется, демонстрирует участие в инициативе *Бхарат Джодо Ятра* под руководством Рахула региональных партий из таких штатов, как Тамилнад, Телангана, Андхра-Прадеш и Махараштра.

Антикорпоративная риторика, используемая Рахулом Ганди в рамках этого движения, кажется, уделяет больше внимания политике справедливого распределения и программам социального обеспечения. Многие люди, которые слушали его в южных штатах, были мобилизованы профсоюзами, НКО и местными ассоциациями: ещё неизвестно, что произойдёт, когда *ятра* переместится в штаты пояса хинди, где более очевидны слабость ИНК и доминирование БДП. С. А. Айяр, редактор-консультант *The Economic Times*, предлагает отказаться от так называемой мягкой *хиндутвы* – конкуренции с этническим национализмом БДП. Решение может заключаться в том, чтобы вернуться к идеям Махатмы, который понимал индуизм и секуляризм как единое целое; для Ганди те, кто пытался разделить политику и религию, не понимали ни политики, ни религии, а его собственный ответ на этот вопрос заключался в том, что необходимо создать лучшее их сочетание. Чтобы вернуться в центр индийской политики, ИНК перетасовывает материалы своей истории.

Сражение в телекоммуникациях

Apple изменяет цепочки поставок в Азии

Состояние неопределённости унитарного империализма вызывает постоянный поток новостей, часто противоречивых и трудно поддающихся оценке. Французская газета *Le Figaro* (28 февраля), например, говорит об «удивительном контрасте»: «В то время как политические отношения между Китаем и США ухудшаются с каждым днём на фоне геополитического и технологического соперничества, их торговый оборот достигает пика. Взаимозависимость между двумя крупнейшими экономиками мира, кажется, никогда не была такой сильной. В 2022 году объём их торговли побил новый рекорд, превысив 690 млрд долларов».

Вскоре после этого *Wall Street Journal* отмечала, что американские спецслужбы следят за кранами китайской ZPMC, то есть за 80 % кранов, работающих в американских портах – важнейшей инфраструктурой для перевалки грузов. Есть подозрение, что они могут предоставлять Пекину данные о перемещении товаров и даже военных материалов. Краны ZPMC «могут стать новым Huawei», – говорит бывший сотрудник контр разведки.

Та же газета пишет о том, что американские группы в секторе товаров повседневного спроса активно возвращаются на китайский рынок, освобождённый от политики нулевого Covid-19. Starbucks планирует открыть там 3.000 новых кофеен, McDonald's – 1.600 новых точек быстрого питания. Возникают новые центры таких продовольственных компаний, как Tyson Foods, или производителей предметов роскоши, как Ralph Lauren, или кожаных изделий, как Kate Spade.

В то же время управляющий судоходного гиганта CMA CGM фиксирует смещение части цепочек поставок из Китая в США, но называет это частичным движением, плоды которого будут видны только через десятилетия.

У каждого времени есть своя логика. Пример Apple, американского бренда, обладающего наибольшей известностью и наибольшей капитализацией, может помочь лучше понять явления, с которыми мы сталкиваемся. Политическое давление не позволяет Apple закупать чипы памяти у китайской компании YMTC; однако совсем другое дело – заставить компанию пойти на немедленный *декаплинг*.

Время Apple

Apple пытается постепенно снизить риски своего присутствия в Китае. Она начала производить AirPods, iPad и Apple Watch во Вьетнаме, а также перенесла часть производства iPhone в Индию.

По оценкам JPMorgan, Индия может производить 25 % смартфонов Apple в 2025 году; по более консервативным оценкам Bloomberg Intelligence, в 2030 году этот показатель достигнет 10 %. В действительности сегодня на долю Китая по-прежнему приходит-

ся более 90 % всей сборки продукции группы на сумму около 300 миллиардов долларов, что является результатом связей, длящихся уже двадцать лет.

Непрерывный поток и Азия

Биография Тима Кука, возглавляющего компанию Apple уже около двенадцати лет, крайне интересна. После окончания инженерного факультета в 1982 году он сразу же поступил на работу в IBM на завод в городе Роли в Северной Каролине: именно здесь производят персональные компьютеры, мировым лидером по выпуску которых концерн был в то время. На заводе шесть производственных линий, 12.000 рабочих трудятся там в три смены, производя в среднем 8500 компьютеров в день. На фабрике нет складов: ежедневно прибывает 100 грузовиков, доставляющих комплектующие, большинство из них – американских компаний. В Роли работа выстроена по принципу *just-in-time* («точно в срок») в том числе потому, что модели компьютеров меняются каждые 6–8 месяцев. Куком движет дух «точности и навязчивого внимания к деталям», пишет его биограф. В IBM он провёл двенадцать лет в качестве менеджера по производству. В 1994 году Кук покинул группу, ненадолго перешёл в IE в Денвере, а затем в Compaq, которая начала собирать компьютеры из комплектующих, всё чаще поступающих из Южной Кореи и Тайваня.

Весной 1998 года Кук присоединился к Apple по приглашению её основателя Стива Джобса. Полученная им задача заключалась в наведении порядка в производственном процессе трёх заводов – в Калифорнии, Ирландии и Сингапуре. Apple уже начала переносить часть своего производства в Азию, и этот процесс продолжился при Куке, но с гибридной моделью, на которой необходимо остановиться подробнее.

Ручная сборка

Наиболее известным аспектом является то, что товары бытовой электроники собираются вручную на гигантских заводах, на которых шаг за шагом осуществляется монтаж мелких деталей. Это детально изученный стандартизированный процесс, сначала опробованный на ведущих сборочных линиях, а затем распространённый на другие. Линии, на которых собирают iPhone, имеют длину более ста метров, станции, где выполняется только одна операция, расположены через каждые 60 сантиметров. На одном заводе их может быть несколько десятков, и тысячи рабочих обычно работают в две или три смены; в китайском городе Чжэнчжоу, где в ноябре прошлого года проходили демонстрации и побеги после принудительного локдауна, это более 200.000 человек.

Самой известной из компаний, занимающихся контрактным производством электроники (ЕСМ), является тайваньская Foxconn, основанная в 1974 году как Hon Hai Plastic Corp. Её первой продукцией были пластиковые крышки, которыми закрывались телевизоры и первые персональные компьютеры (цветные компьютеры Apple). Позже она перешла к интеграции электронных деталей и, наконец, к контрактной сборке.

Сегодня Foxconn располагает 19 производственными площадками, четыре из которых находятся в Китае, по две – в Индии, Вьетнаме и Мексике, другие – в Восточной Европе и Бразилии. Альтернативные ЕСМ – тайваньские Wistron и Pegatron и китайская Luxshare. Последняя была основана в 2004 году в Дунгуане по инициативе бывших сотрудников Foxconn. Она прошла путь от производства кабелей и разъёмов до AirPods и, наконец, iPhone, которые собираются на заводах, купленных Wistron.

Направленный аутсорсинг

Почти каждый год компания Apple публикует свой «Список поставщиков» – перечень из примерно 200 компаний-поставщиков, из которых наибольшее число, более 50, – китайские. «Apple, – пишет Nikkei Asia, – известна своими строгими стандартами качества. Увеличение числа её китайских поставщиков свидетельствует о росте их производственных и технологических возможностей». Верно, но это следует связывать и с усилиями самой компании из Купертино, которая за двадцать лет выстроила в Китае разнонаправленный промышленный комплекс.

В Китае на Apple работает 14.000 человек, то есть каждый седьмой (если не считать сотрудников Apple Store). Это прикомандированные американские инженеры и техники, контролирующие сборочные линии и производство компаний-поставщиков. Apple покупает, авансирует капитал, сдаёт в лизинг сложное оборудование, которое лежит в основе автоматизированного производства компонентов. В течение нескольких лет она закупала почти весь объём производства станков с числовым программным управлением японской компании Fanuc, которые используются для фрезерования, точения, шлифования, штамповки, резки, сварки и прессования металлических, стеклянных и пластиковых деталей.

Это наименее известная часть управляемого аутсорсинга. Apple упоминает о нём в чистом виде в своих финансовых отчетах. «Компания, – говорится там, – инвестировала в производственное оборудование многих партнёров [...] или авансировала расходы связанных поставщиков, заключивших долгосрочные соглашения». Связь такого рода трудно заменить, и в любом случае не в краткосрочной перспективе.

Индийская альтернатива

Индия по причинам демографического характера и быстрого развития является крупнейшим кандидатом на роль частичной альтернативы Китаю в качестве производственного центра Apple. В 2022 году в стране будет произведено около 200 миллионов смартфонов, в основном для Samsung и Xiaomi. Производство iPhone началось в 2017 году.

В штате Тамилнаду находятся сборочные заводы Foxconn и Pegatron, а индийский конгломерат Tata приобрёл здесь завод Wistron. Основная часть производства в Индии – это FATP (окончательная сборка, тестирование и упаковка), 80 % деталей собираются в Китае, и только 15 % производятся на месте. По данным Apple, 50 % алюминиевых корпусов, поставляемых Tata, не соответствуют установленному стандарту точности; поэтому многие инженеры компании отравились в Индию.

Правительство Нью-Дели обложило налогом импорт китайских комплектующих и разрешило 12 компаниям перенести часть своего производства в страну путём создания совместных предприятий с индийскими партнёрами (самые важные из них упомянуты во врезке). Перенос производства Apple повлечёт за собой длительный процесс обучения.

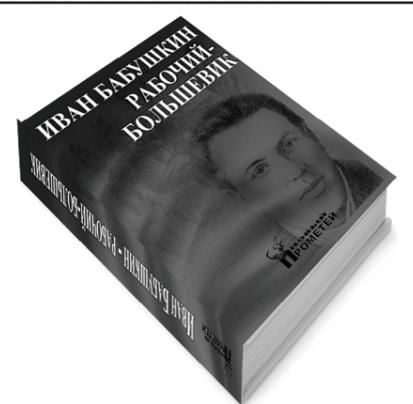
Наблюдение за рынком

Тем временем, Apple поручила китайской компании Luxshare стать первым производителем своих новых очков AR (дополненной реальности), которые могут появиться на рынке по цене от 3.000 до 5.000 долларов; это поручение является выражением доверия, но одновременно и ставкой на китайский рынок.

Культивируя набор взаимосвязанных продуктов с собственной системой iOS (часы, смартфоны, планшеты и ноутбуки), Apple сильно увеличила свой вес среди молодёжи в возрасте от 18 до 30 лет. В этой возрастной группе iPhone наиболее популярны в США, Южной Корее (побеждая местный Samsung) и Китае после краха Huawei из-за санкций США. В китайском поколении Z на iPhone приходится три четверти проданных смартфонов стоимостью свыше 800 долларов.

В 2022 году операционная прибыль Apple в Китае составила 31,2 млрд долларов, что больше, чем у китайских интернет-чемпионов Alibaba и Tencent. Безусловно, это причина для того, чтобы попытаться сохранить своё укоренение.

Lotta comunista, март 2023 г.

ИВАН БАБУШКИН РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК

2010, 204 страницы,
мягкий переплёт.
6 карт и 11 иллюстраций по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.

ИНДИЯ: КИТАЙСКИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ПРИБЫВАЮТ

Штаб-квартира	Основание	ИРО	Производство
Luxshare	Дунгуань	2004	2016 производство электроники
Sunny Optical	Нинбо	1984	2007 оптические решения
Han's Laser Tech	Шэньчжэнь	1996	2004 станки с числовым программным управлением
Yuto Packaging	Шэньчжэнь	2002	2016 упаковка
Lingyi iTech	Шэньчжэнь	2006	... электронные компоненты, магниты
Strong Electronics	Уси	2003	2010 трансформаторы, коммутаторы

Источники: The Economic Times, сайты компаний.

Мировое сражение в контейнерных перевозках

Монополии и конкуренция в открытом море

«Вечеринка окончена», – так 31 января генеральный директор Hapag-Lloyd Рольф Хаббен-Янсен провозгласил конец трёхлетнего периода, в течение которого перевозчики и судовладельцы наслаждались неожиданной прибылью. Ставки фрахта снижаются, возвращаясь к допандемическим уровням, а прогнозы относительно международной торговли неутешительны. В своём февральском докладе ВТО прогнозирует, что после увеличения объёма торговли товарами на 3,5 % в 2022 году, в 2023-м рост составит всего 1 %, а это почти стагнация. Но эти прогнозы окутаны большой неопределённостью из-за последствий украинской войны, энергетического кризиса, инфляции, изменения монетарной политики и геополитической напряжённости в целом. Ещё один фактор неопределённости, который обсуждают экономисты, – это то, в какой степени открытие Китая после пандемии сможет простимулировать мировую экономику.

Эта ситуация отражается и на бюджетах и прогнозах гигантов судоходства. Например, Maersk в 2023 году прогнозирует операционную прибыль «всего» от 2 до 5 млрд долл. После рекордного 2022 года, когда она достигла 30 млрд долл. После сокращения в 2022 году количества контейнеров, перевозимых по всему миру, на 4 % датский судовладелец прогнозирует, что в 2023 году их количество может сократиться ещё на 2,5 % или незначительно увеличиться на 0,5 %.

Объём перевозок, проходящих через три основных европейских порта, в 2022 году также снизился. Количество контейнеров, проходящих через порт Роттердама, упало на 5,7 % по сравнению с уровнем 2021 года, а их объём составил 14,5 млн teu (двадцатифутовых эквивалента). В Антверпене этот показатель снизился на 5,2 %, до 13,5 млн teu, а в Гамбурге – на 5,1 %, до 8,3 млн (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 27.02.2023).

Конец картеля

Новостью, которая произвела сенсацию в мире судоходства, стало объявление о том, что два крупнейших судовладельца MSC и Maersk не будут продлевать свой альянс 2М далее января 2025 года. 2М – один из трёх альянсов, которые вместе контролируют более 82 % контейнерных морских перевозок. Двумя другими союзами являются Ocean Alliance, в который входят CMA CGM, Evergreen, COSCO Shipping и Orient Overseas Container Line (OOCL), и THE Alliance в составе Hapag-Lloyd, ONE (комбинация K-Line, NYK и MOL), HMM и Yang Ming.

По словам нового генерального директора Maersk Винсента Клерка, присоединение к альянсу «несовместимо» с моделью глобального логистического интегратора, к которой стремится Maersk. По случаю презентации результатов за 2022 год Клерк пояснил, что в будущем датский судовладелец хочет «полностью интегрировать» «морской бизнес» в «логистический», что требует «гораздо более высокого уровня оперативного контроля». Компания хочет избежать ситуации, при которой морской транспорт рассматривается как товар, сырьевой продукт наподобие угля, главной отличительной чертой которого является непредсказуемо меняющаяся на

волнах мировой экономики цена. С этой целью в 2016 году Maersk запустила стратегию «вертикализации», направленную на предоставление услуг с большей добавленной стоимостью. За счёт вертикальной интеграции различных видов транспорта – морского, наземного и воздушного – Maersk намеревается предложить своим клиентам комплексные логистические услуги от завода до пункта назначения. Большинство крупных судовладельцев сформировали сеть контейнерных терминалов, и многие также вложили средства во внутреннюю логистику, но Maersk продвинулась дальше всех в интеграции всех видов транспорта в единую платформу.

На страницах Handelsblatt от 21 февраля представитель Maersk Кристиан Кьергор-Винтер объясняет, что с недавним расширением своего флота MSC в основном стремится к снижению затрат, но эта погоня за максимально низкими фрахтовыми ставками вынуждает её партнёра по альянсу Maersk придерживаться общей схемы доставки. Это ограничение становится всё труднее согласовать с вертикализацией Maersk.

Здесь, в конкретной действительности, мы находим диалектическое взаимодействие конкуренции и монополии, описанное Марксом в «Нищете философии»: «В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собой, конкуренты становятся монополистами. [...] Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она постоянно вступает в конкурентную борьбу»¹.

Насчёт этого сосуществования конкуренции и монополии, отмеченного Марксом, высказывается и Пегги Холлинджер в Financial Times от 2 февраля. Деловой редактор газеты Сити считает, что Maersk может пожалеть о своём решении 2015 года сформировать альянс с MSC, которая в то время была меньшей из двух компаний. «Под защитой этого партнёрства [MSC могла] расти так быстро, что обогнала Maersk и стала крупнейшим по своим мощностям судовладельцем». По словам Холлинджер, «очевидно, что альянс принёс гораздо больше преимуществ именно MSC». Итало-швейцарскому судовладельцу «больше не придётся идти на компромисс по вопросам о том, в какой день отплыть, какой терминал использовать или какую навигацию отменить». Риск, который Холлинджер видит для MSC, заключается в «её агрессивном расширении именно тогда, как спрос ослабевает». Что касается Maersk, то журналистка прогнозирует, что стратегия этой компании «повернется испытанию», учитывая, что судовладелец стал конкурентом большей части своих клиентов: грузоотправителей и логистических групп, – которые могут отомстить, прибегнув к помощи других судовладельцев.

Альянсы под огнём

Экспедиторские ассоциации логистических компаний, а также операторы терминалов, в принадлежащих судовладельцам, в течение многих лет выступали против исключения из европейских правил конкуренции, позволяющего судовладельцам создавать альянсы

Оператор	Флот				Заказанные новые корабли		
	Доля, %	Мощности, млн teu	Корабли, шт.	Арендованные корабли, %	Мощности, млн teu	Корабли, шт.	Арендованные корабли, %
1 MSC	17,8	4,7	728	52,7	1,8	132	38,7
2 Maersk	16,0	4,2	696	39,0	0,4	30	8,9
3 CMA CGM	12,9	3,4	595	51,8	0,8	89	24,1
4 COSCO	10,9	2,9	464	45,3	0,9	46	31,0
5 Hapag-Lloyd	6,8	1,8	248	38,1	0,4	18	20,2
6 Evergreen	6,3	1,7	209	42,8	0,5	49	27,9
7 ONE	5,8	1,5	205	48,6	0,4	31	28,3
8 HMM	3,1	0,8	75	31,9	0,3	26	32,5
9 Yang Ming	2,7	0,7	90	69,3			
10 ZIM	2,1	0,5	137	94,8	0,4	41	64,0

Источник: Alphaliner, 27.02.2023.

и консорциумы. Критика усилилась во время пандемического кризиса, когда резко выросли фрахтовые ставки, а пунктуальность судов резко упала.

Документ «Block Exemption Regulation», который Европейская комиссия предоставила сектору контейнерных перевозок, был введён в 2009 году, а затем продлён в 2014-м. Новая оценка этого исключения запланирована на 2024 год. В октябре прошлого года логистическая компания CLECAT направила письмо комиссару по вопросам конкуренции Маргрет Вестагер с просьбой не продлевать это исключение. Центральная ассоциация немецких морских портовых компаний (ZDS), представляющая группы, работающие в 16 портах Германии, написала в Европейскую комиссию: «Имея за собой такую рыночную власть, эти судовладельцы вступают в локальные переговоры с отдельными портовыми компаниями или пытаются немедленно расширить свой бизнес на другие звенья цепочки поставок и вытеснить другие компании». Глава ZDS Даниэль Хоссеус жалуется Frankfurter Allgemeine Zeitung от 28 февраля, что в дополнение к приостановке действия «основных правил конкуренции» судовладельцы, похоже, используют свой благоприятный налоговый режим в отношении тоннажного сбора также и в бизнесе, ведущемся на суше, например, в сфере доставки на дом.

Помимо борьбы между фракциями капитала, существует и политическое давление. В июне 2022 года президент США Джо Байден подписал «Ocean Shipping Reform Act», который даёт Федеральной морской комиссии (Federal Maritime Commission, FMC) право расследовать дела, касающиеся практики ценообразования судовладельцев. Возможно, тот факт, что ни один крупный судовладелец не происходит из Соединённых Штатов, не является случайностью.

Но у судовладельцев есть масса аргументов в защиту альянсов. По словам эксперта ЮНКТАД по морским перевозкам Яна Хоффманна, альянсы «дали дополнительные десять процентов эффективности в контейнерных перевозках» (Handelsblatt, 03.11.2022). Судовладельцы добавляли, что без альянсов хаоса в портах во время пандемии было бы значительно больше. Кроме того, менеджер сервисной компании Ocean

(принадлежит Maersk) Йохан Сигсгаард отрицает какую-либо связь между решением не продлевать альянс с MSC и критикой практики создания альянсов в целом (Financial Times, 26.01.2023).

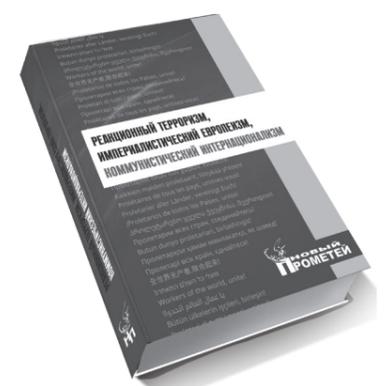
Реструктуризация на горизонте?

Является ли раскол внутри альянса MSC и Maersk первым признаком реструктуризации сектора контейнерных перевозок и прекращения практики создания альянсов? Пока рано говорить об этом. По словам отраслевых экспертов, опрошенных Handelsblatt, примеру Maersk последует CMA CGM и выйдет из альянса – это лишь вопрос времени, учитывая, что французский судовладелец также придерживается стратегии вертикальной интеграции.

Саймон Хини из профильной консалтинговой фирмы Drewry так прокомментировал ситуацию для Handelsblatt от 21 февраля: «До сих пор все считали, что альянсы будут доминировать в будущем судоходства. Теперь эта вера сильно пошатнулась».

Lotta comunista, март 2023 г.

1 – Марк К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 4. С. 166.

Реакционный терроризм, империалистический европеизм, коммунистический интернационализм

272 стр., твердый переплёт, примечания, биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-7-6

Цена 300 руб.

Международные миграции

Поколения иммигрантов в Италии

III

Реальное присутствие иммигрантов в такой стране, как Италия, почти два десятилетия переживавшей процесс массовой иммиграции, которому предшествовали ещё 20 лет постоянно растущей иммиграции, не может быть количественно оценено только с учётом численности *первого* и *второго поколений* иммигрантов (к последнему относятся дети иммигрантов, родившиеся уже в Италии). Ситуация более сложна, так как значительное количество иммигрантов и их потомков обычно исчисляется из статистики по мере того, как интегрируется в социальную структуру страны и метаболизируется в ней.

Пример Франции

Такой внимательный исследователь миграций, как Катрин Витоль де Венден из французского CNRS (Centre National de la Recherche Scientifique), проанализировала вопрос о *втором* и последующих (третьем, четвёртом) поколениях мигрантов применительно к Франции. Конечно, различия между Италией и такой страной, как Франция, которая имела многочисленные колонии и пережила несколько волн иммиграции (первая в XIX веке, вторая между двумя мировыми войнами и третья после второй мировой), очень существенны, но некоторые общие для этих стран закономерности выделить всё же можно. Витоль де Венден в своей статье 2014 года *"Second-generation immigrants: citizenship and transnationalism"* пишет, что идентифицировать иммигрантов второго, а тем более третьего или четвёртого поколений (последний случай пока не относится к Италии), довольно трудно, и в некоторых случаях они становятся *невидимыми* в социальном ландшафте. В основе этого явления лежит эффект воссоединения семей. В случае послевоенной Франции подобное *«неожиданно»* началось после 1974 года, когда двери для иммиграции рабочей силы были (временно) закрыты из-за экономического кризиса.

Итак, предлагаемая схема, которую частично можно распространить и на другие страны, такова: сначала прибывает рабочая сила (распределяющаяся по соответствующим возрастным группам), затем происходит воссоединение семей, причём этот процесс продолжается даже в период замедления иммиграционного потока (как это происходит сейчас в Италии). С этого момента вкупе с параллельными процессами интеграции (через браки и так далее) возникает ситуация, когда второе, а затем и последующие поколения становятся всё в большей степени *невидимыми*.

Согласно мнению итальянского социолога Флавио Чераволо, высказанному в статье 2013 года *"Straniero a chi?"*, «международная миграция изменила лицо Италии и итальянцев, породив новую категорию итальянцев – детей иммигрантов, продукт международной миграции»; а второе поколение состоит *«исключительно из молодёжи»*. Что же со всем этим делать? *«Италия страдает от значительного отставания в создании человеческого капитала по сравнению с другими европейскими странами и не может позволить себе низвести возможные новые таланты до состояния маргинальности»*.

Изучением этого вопроса также занимался Фонд Аньелли. Главной темой исследования является интеграция иммигрантов, и его цели указаны вполне ясно: *«Степень интеграции детей иммигрантов в итальянское общество будет иметь немаловажное влияние на качество человеческого капитала, который мы будем иметь перед лицом вызовов ближайших десятилетий»*.

Можно сказать, что в обоих выступлениях используются самые ясные и убедительные слова, направленные на то, чтобы сформулировать цели и перспективы итальянской реформистской империалистической политики в отношении мигра-

ции, нацеленной на наилучшее использование всё более необходимой рабочей силы, не достигающей, однако, многих профессиональных уровней.

Переплетение поколений

Из анализа Фонда Аньелли мы можем извлечь полезную информацию о текущем и будущем присутствии иммигрантов в итальянском обществе. Необходимо сделать одно пояснение: возрастная пирамида нации без миграции изменяется только за счёт рождений и смертей; аналогичная возрастная пирамида иммигрантского населения, напротив, изменяется в основном за счёт въезда людей, которые напрямую вливаются в типичные для мигрантов возрастные группы, в меньшей степени – за счёт рождений и в ещё меньшей – за счёт смертей, которых относительно немного, потому что иммигрантское население значительно моложе местного.

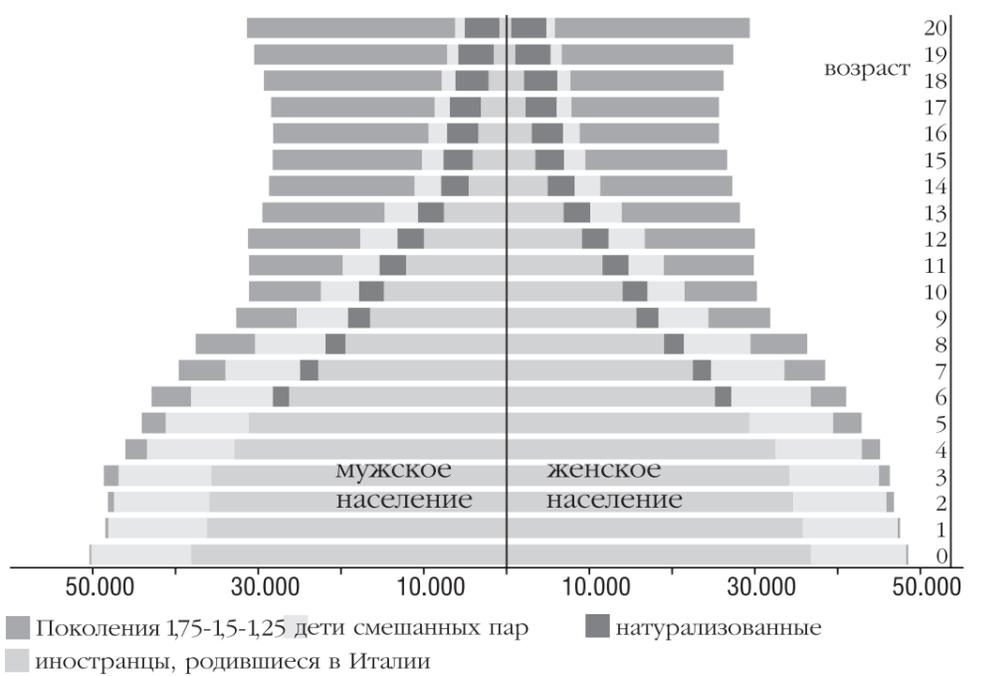
На рисунке изображена возрастная пирамида молодых иммигрантов (в широком смысле) в Италию в возрасте до 20 лет по состоянию на 2013 год. Выделены и количественно определены 6 категорий:

- родившиеся за границей и прибывшие в возрасте от 13 до 17 лет идентифицируются как *поколение 1,25*;
- родившиеся за границей и прибывшие в возрасте от 7 до 12 лет идентифицируются как *поколение 1,5*;
- родившиеся за границей и прибывшие в дошкольном возрасте идентифицируются как *поколение 1,75*;
- иностранцы, родившиеся в Италии, – *второе поколение*;
- *дети смешанных пар* (итальянцы по рождению);
- *натурализовавшиеся иностранцы* (иммигранты, получившие итальянское гражданство).

По сути, *первое поколение*, возраст представителей которого в 2013 году составлял менее 20 лет, разделено на 3 части в зависимости от возраста, в котором эти люди прибывали в страну отчасти для воссоединения семьи, отчасти для прямого выхода на рынок труда.

Отметим, что в возрастной категории до одного года, в которую попадают примерно 100 тыс. человек, три четверти – это иностранцы, родившиеся в Италии, следовательно, они принадлежат ко *второму поколению*, оставшаяся четверть – дети смешанных пар, которые также рождены в Италии. Из примерно 90 тыс. детей в возрасте 5 лет две трети родились в Италии, примерно пятая часть – дети смешанных пар и около 7 % – иммигранты. С увеличением возраста число иммигрантов второго поколения уменьшается, а число натурализованных граждан возрастает, также как и число принадлежащих к поколениям 1,25 и 1,5 (детей школьного возраста, родившихся за рубежом). Только очень небольшое число тех, кому в 2013 году было 20 лет (это около 60 тыс.), родилось в Италии. Также стоит учитывать небольшое количество детей смешанных пар, по закону являющихся итальянцами. Значительное количество (15 %) иммигрантов приобрело гражданство путём натурализации. Прочие – это представители поколения 1,5 и прежде всего поколения 1,25 (шесть случаев из десяти), то есть те, кто иммигрировал в возрасте старше 13 лет.

Картина получается сложная, но она показывает тенденцию к увеличению доли детей иммигрантов в младших и очень юных возрастных группах. Подтверждаются и другие тенденции относительно молодых иммигрантов. Италия интегрирует и метаболизирует иммигрантов, число которых в новом столетии очень сильно возросло. В исследовании также подчёркивается эффект демографической инерции, который приведёт (и фактически уже приводит) к

Поколения 1,25–1,5–1,75: первое поколение, его представители родились за границей и прибыли в Италию в возрасте от дошкольного до 17 лет.
Источник: Stefano Molina, Fondazione Agnelli, 2014.

увеличению присутствия иммигрантов в начальной и средней школах.

На школьной скамье

Действительно, одним из наиболее ярких показателей уровня интеграции иммигрантов (в широком смысле) в стране является присутствие иностранцев в школьной системе. Но нужно помнить, что в школах мы можем найти только отражение описанных процессов, касающихся поколений *иммигрантов в широком смысле*.

Давайте взглянем на первую обобщённую картину. В 2001/2002 учебном году из 8,9 млн учащихся школ (от детского сада до учреждений среднего образования) иностранцы составляли не более 200 тыс., или 2,2 %. Две трети из них находились в детских садах и начальной школе. К 2014/2015 учебному году общее число учащихся несколько уменьшилось, а число иностранцев выросло в четыре раза. Наибольший рост пришёлся на среднюю школу, а общее количество иностранных учащихся в школьной системе составило 9,2 %. Количество итальянских учащихся (в том числе натурализовавшихся иммигрантов – их число в средней школе в последние годы нельзя считать незначительным) уменьшилось на 680 тыс., и это уменьшение не было компенсировано ростом числа иностранных учащихся, которое увеличилось лишь на 620 тыс. Попутно зададимся вопросом, насколько меньше классов стало бы в итальянских школах за последние 15 лет, не будь иностранных учащихся?

Давайте присмотримся внимательнее. Следует отметить, что присутствие иммигрантов в средней школе, которое на несколько пунктов ниже, чем в самых младших классах, начинает соответствовать общей тенденции: в 2014/2015 учебном году оно выросло до 7 %, тогда как в других категориях оно более или менее стабильно и держится на уровне 10 %. Это явный признак большей степени интеграции на более высоких уровнях образования. Национальность учащихся тесно связана с гражданством иностранного населения в целом: наиболее многочисленными являются граждане четырёх стран: Румынии, Албании, Марокко и Китая, – их доля составляет более половины иностранных учащихся.

Самым ярким показателем растущего значения иммиграции в итальянском обществе является значительный рост количества учащихся-иностранцев, родившихся в Италии, то есть детей, оба родителя которых являются иностранцами. В 2007/2008 учебном году треть иностранных учащихся была рождена в Италии, к 2014/2015 учебному году эта доля выросла до более чем

половины. Однако существует большое различие между возрастными категориями. В детских садах девять из каждых десяти детей иностранцев родились в Италии, в начальной школе этот показатель составляет семь из десяти. Ещё ниже эти показатели на более высоких ступенях образования: в Италии родились четверо из десяти иностранных учеников первой ступени средней школы и два из десяти иностранных учеников второй ступени средней школы.

Ломбардия – итальянский регион с наибольшим количеством иммигрантов, а два его города – Милан и Брешиа – особенно выделяются многочисленностью иностранцев в своих школах. За шесть последних учебных лет (с 2010/2011 по 2016/2017) доля иностранцев возросла на 2,5 процентных пункта и сейчас составляет 14 % (в начальной школе – 17 %). За это время число иностранных учащихся выросло более чем на 30 тыс. человек, тогда как число итальянских – на 20 тыс. В 2016/2017 учебном году в Италии родились три четверти иностранных учеников начальной школы, половина учеников первой ступени средней школы и четверть учеников второй ступени средней школы.

Вдали от всеобщего внимания

Итальянские провинции с наибольшей долей иностранных учащихся сосредоточены в Эмилии-Романье, эта доля высока также и в Милане: иностранцами являются 21 % учащихся Пьяченцы (61 % родились в Италии) и 14,4 % учащихся Милана (60 % из них родились в Италии). Показатели Болоньи аналогичны показателям Пьяченцы. Сопоставимые числа наблюдаются и в городах области Венето: доля иностранных учащихся в Бергамо составляет 15 % (64 % родились в Италии), а в Брешии – 18 % (62 % родились в Италии).

Среди иностранных учащихся доля тех, кто остался на второй год, выше, чем среди итальянских, но она уменьшается. В 2010/2011 учебном году доля таких иностранных учащихся составляла 40 %, к 2014 году она упала до 30 %.

Общая картина такова: вдали от всеобщего внимания, но зато близко к нуждам рынка труда, год за годом разворачивается процесс всё большего укоренения второго поколения иммигрантов (в широком смысле). Это не самый разрекламированный аспект итальянской версии *империалистической политики в отношении миграции*. Проблема итальянского империализма – второй промышленной державы Европы, состоит в том, что в разгар демографического кризиса этого может оказаться недостаточно.

На пути из Гарбателлы к Рейну?

Итальянское «политическое землетрясение» бросило новую «тень на Европу». Так *Le Monde* описывает шок, вызванный резким изменением политической фазы в Риме. По мнению *Handelsblatt*, победа Джорджи Мелони станет для Европы «таким же тяжёлым испытанием, как Brexit или победа Марин Ле Пен во Франции». Тем же, кто возражает, заявляя, что её влияние смогут сдерживать итальянские институты, немецкая деловая газета саркастически отвечает, что «то же самое говорили и о Дональде Трампе».

Настораживает перспектива новой фазы итальянских политических колебаний, способных отразиться на всём континенте. *Handelsblatt* фокусируется на экономическом измерении и задаётся вопросом, каким образом Мелони – в противовес «основанному на здравом смысле» руководству Драги – сможет сформировать правительство «экономического разума». Италия, предупреждает газета, «не только слишком велика, чтобы обанкротиться, но и слишком велика, чтобы её можно было бесконечно спасать». *Le Monde* же концентрируется на политических последствиях итальянских событий для процесса европейской интеграции. Будущее отношений с институтами Брюсселя теперь кажется «неопределённым», в то время как во многих странах продвигаются партии, которые пытаются «банализировать» свою видимость, сохраняя при этом свою оппозицию ценностям, лежащим в основе ЕС.

Примечательно, что риск того, что европейское возрождение, движущей силой которого является франко-германская ось, может завязнуть в национальной политической динамике, был отмечен и в Пекине. По мнению *Global Times*, выборы в Италии подтверждают поляризацию «политической атмосферы в Европе», что затруднит «проведение эффективных реформ» в ЕС.

Консерваторы в итальянском стиле

Однако есть и признаки открытости. *Le Figaro* отмечает, что в Брюсселе наблюдается холодность по отношению к новому правительству итальянского большинства, но, конечно, не «панические настроения», которые царили в 2018 году во время создания коалиционного правительства Лиги и «Движения пяти звёзд». По мнению *The Economist*, элементы беспокойства очевидны, «но есть и причины сохранять хладнокровие». Следующий итальянский лидер, резюмирует британский еженедельник, «будет ограничен политикой, рынками и деньгами». Рим не может позволить себе расстаться с ЕС под страхом банкротства, и «Мелони это знает». Позиция её партии «Братья Италии» по войне на Украине не осталась незамеченной в Вашингтоне. По мнению журнала *Foreign Affairs* (издания Совета по международным отношениям), «сильная Мелони» может сдержать Лигу Сальвини и сохранить «единство западного фронта».

Пресса преуменьшает тот разрыв, отражением которого является присутствие бывшего члена неонацистского Итальянского социального движения (ИСД) в Палаццо Киджи. Портрет Мелони, составленный *Le Monde*, описывает, как она вступила в отделение Молодого фронта в римском районе Гарбателла в возрасте 15 лет и с тех пор «никогда не переставала следовать своему собственному пути, воплощая современный консерватизм в итальянском стиле». По мнению газеты *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, Мелони – «не дьявол» и действительно «победила, подняв вопросы», которые когда-то были частью «стандартных программ» таких партий, как ХДС/ХСС или СвДП: иммиграция, традиционная семья и снижение налогов. В интервью мадридской правой монархической газете *ABC* Мелони заявила, что надеется на союз «европейского уровня» между «народом и консерваторами».

Европеистский трансформизм Итальянского социального движения

В течение тридцати лет то, что когда-то было «исключённым полюсом» так называемой «конституционной дуги» Италии, перестало быть таковым. Начиная с 1990-х годов бывшие члены ИСД занимали правительственные посты: в 2002 году Джанфранко

Фини стал представителем Италии в конвенте, ответственном за написание новой европейской конституции, а в 2009 году, когда Национальный альянс и «Братья Италии» объединились в партию «Народ свободы», они оказались членами Европейской народной партии, включая Мелони. Однако европейский финансовый кризис 2011 года потопил правительство Берлускони, а также заморозил *европеистское приспособленчество ИСД*.

Поэтому не предубеждение к некогда бывшим «фашистам» закрыло двери правительства для «Братьев Италии», а то, что мы назвали «Е-фактором», её европейское позиционирование. С момента их основания в 2012 году итальянский совранизм «Братьев Италии» сделал несколько шагов в направлении *европейского совранизма*. Нынешняя фаза мирового противостояния и, соответственно, степень ответственности правительства требуют дальнейшего скачка. Уровень, необходимый для достижения *еврорастворимости*, возрос.

В августе прошлого года на встрече в Римине Марио Драги изложил суть происходящего, что, по сути, стало политическим завещанием. Он определил нынешнюю ситуацию как «драматический исторический переход». В условиях «быстро меняющихся геополитических рамок», экономической ситуации, характеризующейся «глубокой неопределённостью», в контексте «геополитического, экономического и экологического кризисов, *крешения, которые мы принимаем сегодня, призваны определить долгосрочное будущее Италии*». «Внутреннее доверие должно идти рука об руку с международным доверием». Драги хотел напомнить о принципах, которые должны лежать в основе «новых европейских бюджетных правил», согласованных в декабре прошлого года с Эммануэлем Макроном. По его мнению, европейские амбиции в области промышленной политики, экологических преобразований и общей обороны несовместимы с действующими правилами. «Непонятно, как с их помощью можно построить «европейский суверенитет», который особенно важен сегодня, в свете геополитических условий в Европе» (24 августа 2022).

Европейское силовое поле

Во время предвыборной кампании Мелони продемонстрировала свои атлантические ориентиры, заняв позицию поддержки Украины, и сослалась на необходимость «восстановления баланса по отношению к франко-германской оси». Однако новому правительству придётся соизмерять свою политику именно с повесткой дня Драги. *Атлантическая растворимость* необходима, но недостаточна для правящей силы. Отношения с Вашингтоном, если их разыгрывать против Парижа и Берлина, могут даже стать фактором кризиса.

Бывший советник президента Италии Чампи Андреа Манцелла пишет о том, что два законопроекта, которые были подписаны Мелони и направлены на исключение из итальянской версии Хартии «любого обязательства соблюдать законодательство ЕС», всё ещё ожидают обсуждения в Палате депутатов и Сенате. Примат европейского права, пишет Манцелла, необходим для реализации «европейского порядка как единства». «Конституционные связи между итальянским и европейским порядком» узаконивают, среди прочего, одни и те же «полномочия гаранта «системы», начиная с Конституционного суда и Квиринальского дворца. Баланс между европейскими «ограничениями суверенитета» и национальными «контролирующими идентичности» был отвергнут правительствами Польши и Венгрии. Именно лидеры этих стран хотел предупредить Олаф Шольц «в его большой речи в Праге» (*Corriere della Sera*).

Выбор между линией *рейнской оси* и подходом Будапешта и Варшавы ставит под вопрос признание примата европейского права и уровень поддержки дальнейших уступок суверенитета.

Лига Юга

Мелони также должна будет объединить массовую поддержку внутри страны с европейской линией. Прорыв на севере –

СЕВЕР, ЮГ И КРУПНЫЕ ГОРОДА

Избирательный тур 25 сентября установил новый рекорд в уровне *абсентеизма*: число неголосовавших увеличилось более чем на 4 млн человек по сравнению с 2018 годом, 39 % электората не проголосовали или не заполнили/испортили бланки. Этот показатель необходимо учитывать, когда, как в данном анализе, мы говорим о процентах действительных голосов: даже те, кто вышел вперёд в процентном отношении, на самом деле могли потерять поддержку.

Картина, отражаемая мажоритарным голосованием (с точки зрения коалиций), представляет собой почти полную победу правоцентристских сил, которые взяли 122 из 147 избирательных округов. Картина, вытекающая из пропорционального голосования (с точки зрения отдельных партий), несколько иная: «Братья Италии» – первая партия на севере и в центре, «Движение пяти звёзд» – на юге, а Демократическая партия (ДП) сохранила свой избирательный оплот на Апеннингах и в избирательных округах городов промышленного треугольника (Турин, Генуя и Милан).

Северный трансформизм

Наиболее важным политическим элементом, несомненно, является успех «Братьев Италии» на севере: 28,5 % в Ломбардии и целых 32,7 % в Венето по сравнению с 25,9 % в среднем по стране. Это скорее не «протестное голосование», а новое воплощение северного приспособленчества, разочарованного в Лиге.

Лига, которая родилась в Ломбардии, выросла в Северной Италии и стала разочарованием в национальном масштабе, упала до 12–13 % голосов на севере. Её крах был сильным, она набрала менее половины от своей доли 2018 года и менее трети от результата европейских выборов 2019 года.

Если кратко подвести итоги почти 30 лет, которые отделяют нас от 1994 года (именно тогда прошёл первый тур выборов, на которых присутствовала правоцентристская коалиция), то на севере произошёл почти полный разворот от Лиги к «Братьям» (в те годы называвшихся Национальным альянсом): в 1994 году Лига набрала в 2,6 раза больше НА, а сегодня «Братья» – в 2,3 раза больше Лиги.

«Вперёд, Италия», которая в то время была стержнем коалиции, сегодня является третьей силой правоцентристов на севере, в то время как в центре и на юге удвоилось количество голосов за Лигу, хотя численность её сторонников составляет менее половины результата «Братьев». Здесь, однако, «Вперёд, Италия» может занести себе в актив успех Ренато Скифани на региональных выборах в Сицилии; он сменил Нелло Мусумечи, которого поддерживала Джорджа Мелони.

Наконец, следует отметить, что в целом на национальном уровне правоцентристские партии набрали то же количество голосов, что и в 2018 году, что свидетельствует о смещении голосов, но в рамках партий одной и той же коалиции.

Широкое поле сужается

Юг продолжает отдавать предпочтение «Движению пяти звёзд», которое остаётся здесь партией номер один, хотя её поддержка сократилась почти вавое по сравнению с 2018 годом. Особенно выделяется показатель по Кампании. В этом регионе «Движение пяти звёзд» со своими 34,6 % набирает больше голосов, чем «Братья Италии» и ДП вместе взятые.

ДП, хотя и потеряла голоса в целом, заняла первое место на оси Болонья – Флоренция и в избирательных округах Милана, Турина и Генуи, а также в центре Рима. В целом её поддержка упала во всех регионах за исключением Трентино, особенно на севере.

Наконец, «Действие – Живая Италия» Карло Календы и Маттео Ренци не достигла желанных двузначных чисел: набрав 7,8 % по стране, она почти сравнялась с 8,3 % «Гражданского выбора» Марио Монти в 2013 году. Как и бывший еврокомиссар тогда, этот «третий полюс» добился наибольшего успеха в Милане, где он набрал 16 % (против 13,7 % у Монти), особенно в центре города – 30 %.

Такая динамика раскола ставит перед левоцентристами (и, в частности, перед Демократической партией) проблему возможных альянсов.

Результаты 2022 г. и разн. по сравнению с 2018 г.	кол-во голосов (тыс.)	разн.	% избирателей	разн.	% действительных голосов	разн.
Максималистская левая	430	+17	0,9	=	1,5	+0,2
Левый центр	7.358	-1.143	16	-2,3	26,2	+0,3
«Зелёные» – левые	1.019	-96	2,2	-0,2	3,6	+0,2
Демократическая партия +Еуропа	5.355	-807	11,6	-1,6	19	+0,3
	794	-48	1,7	-0,1	2,8	+0,2
«Движение пяти звёзд»	4.334	-6.414	9,4	-13,7	15,4	-17,3
«Действие – Живая Италия»	2.187	–	4,7	–	7,7	–
Правый центр	12.316	+146	26,7	0,6	43,8	+6,8
«Вперёд, Италия»	2.279	-2.318	4,9	-4,9	8	-5,9
«Братья Италии»	7.301	+5.871	15,8	12,8	25,9	+21,6
Лига	2.464	-3.246	5,3	-6,9	8,7	-8,6
Другие	1.515	+439	3,3	+1,1	5,4	+2,2
Воздержавшиеся; незаполненные и недействительные бюллетени	17.980	+4.283	39	+9,6		
Всего избирателей	46.120	-485	100			

Выборы 2022 года в Палату депутатов Италии по округам и отличия их результатов от ситуации 2018 года. Максималистская левая включает в себя Народный союз и ИКП.

Источник: МВД Италии, 27 сентября 2022 года.

беспрецедентный факт в истории как ИСД, так и Национального альянса – является предпосылкой для поддержки линии *национального европеизма*, но не более того. Двусмысленность производительного севера, интегрированного в континентальный рынок, но также ищущего защиты, представляет собой объективную почву для конкуренции в совранистском лагере с Лигой Сальвини, жаждущей реванша после потери половины голосов на выборах и уже готовой вновь осветить охранительную и ксенофобскую риторику в новом правительстве.

Политическое осложнение в виде появления де-факто *Лиги Юга* углубляет тра-

диционный *структурный дуализм между севером и югом страны*. Кроме того, «Движение пяти звёзд» Джузеппе Конте несёт риск возникновения *южной жакерии*: оно имеет 15 % действительных голосов и «вооружено» миллиардами европейских и национальных государственных расходов, выделенных на доходы граждан и *супер-бонусы* для поддержки запланированных восстановительных работ. На пути Мелони из Гарбателлы к Рейну лежит внушительное препятствие *европейской реструктуризации* в Италии.

Атом и индустриализация науки

Атомное соперничество между союзниками

Решающими факторами в принятии американцами решения о разработке атомной бомбы стали доклад британских учёных из Комитета MAUD, нападение 7 декабря 1941 года японцев на базу американского флота в Перл-Харбор и вступление США в войну против Германии и Японии.

Доклад MAUD

Именно доклад MAUD от июля 1941 года послужил толчком для продолжения американских ядерных исследований в многочисленных университетах. Впоследствии эти исследования были централизованы в рамках проекта «Манхэттен», официально учреждённого 13 августа 1942 года. В докладе был проведён анализ британских исследований в области ядерной физики и сделан вывод о том, что эффект деления атомного ядра можно использовать для создания бомбы с очень высоким взрывным потенциалом.

Его авторы писали: «Сейчас мы пришли к выводу, что можно сделать эффективную урановую бомбу, которая при содержании около 25 фунтов [11,3 кг] активного вещества будет эквивалентна по разрушительному действию 1800 тоннам TNT [тротила], а также выбросит большое количество радиоактивного вещества, которое делает местность вблизи взрыва бомбы опасной для жизни людей на длительный срок. [...] Что касается необходимого времени, то Imperial Chemical Industries после консультации с доктором Гаем из Metropolitan-Vickers рассчитала, что материал для первой бомбы может быть готов к концу 1943 года».

Выводы доклада были следующими: «(1) Комитет считает, что схема создания урановой бомбы практически осуществима и может решаться образом повлиять на исход войны. (2) Комитет рекомендует продолжать отдавать этой работе самый высокий приоритет и наращивать масштабы исследований, чтобы получить оружие в кратчайшие сроки. (3) Нынешнее сотрудничество с Америкой должно быть продолжено и расширено, особенно в области экспериментальной работы».

Хотя в этом докладе подчёркивалась осуществимость создания атомной бомбы, в нём переоценивалась способность Великобритании создать её к 1943 году и использовать против Германии. Но именно этот ошибочный прогноз был принят премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем (1874–1965), который, проигнорировав содержащиеся в том же докладе указания на необходимость сотрудничества с США, выразил своё неприятие более тесного ядерного сотрудничества между британцами и американцами, намереваясь использовать научное превосходство Великобритании.

Свет на американо-британское соперничество в ядерных программах проливает один из создателей французской атомной бомбы Бертран Гольдшмидт (1912–2002) в своей книге 1967 года «Les Rivalités Atomiques, 1939–1966». Он пишет, что Черчилль получил информацию о докладе MAUD в августе 1941 года от своего научного советника Фредерика Линдемманна (1886–1957), который, как и другие советники премьера, знали о преимуществе, которым в тот момент обладала Великобритания, и поэтому не очень

благоклонно относились к кооперации с американцами, так как считали, что страна, обладающая атомной бомбой, сможет диктовать условия всему остальному миру.

9 октября президент США Франклин Делано Рузвельт (1882–1945) в письме к Черчиллю предложил совместную реализацию атомных программ. Британский премьер не принял американское предложение. Но к лету 1942 года оптимизм британцев иссяк. Создание бомбы могло обойтись в миллионы фунтов стерлингов, и казалось сомнительным, что Великобритания сможет вовремя построить огромные объекты, необходимые для разработки этого оружия, чтобы повлиять на исход войны против Германии. Было необходимо сотрудничать с США. Но на этот раз отказались они.

Начинается ядерная гонка

Гольдшмидт принимал непосредственное участие в этих событиях: несмотря на решение правительства США отклонить заявку на участие французских учёных в американской ядерной программе, ему было разрешено в июле 1942 года присоединиться к группе Энрико Ферми (1901–1954) в Чикаго. Затем он присоединился к англо-канадской ядерной программе в Канаде вместе с другими французами, которые были сотрудниками Фредерика Жолио-Кюри (1900–1958). В 1942 году для проведения ядерных исследований под руководством американского физика нобелевского лауреата Артура Холли Комптона (1892–1962) в Чикагском университете была создана группа учёных под кодовым названием «Металлургический проект».

Гольдшмидт считает 2 декабря 1942 года исторической датой начала атомной эры, когда под руководством Ферми был запущен первый в истории ядерный реактор, также называемый атомным котлом. Ровно через месяц ответственные за американские ядерные планы политики решили приостановить всякое сотрудничество с Великобританией. Всего через год ситуация в гонке изменилась на противоположную: с реактором Ферми преимущество было на стороне американцев.

Ошеломлённый решением американцев, Гольдшмидт вместе с физиком Пьером Оже (1899–1993) лично отправился в Чикаго, чтобы поговорить с физиками из «Металлургического проекта». Глава проекта Комптон объяснил двум французским физикам, что американские руководители атомного проекта были убеждены, что после успеха Ферми в их руках окажется оружие, которое позволит им не только выиграть войну, но и управлять миром, который за ней последует. Гольдшмидт сухо констатирует: «Поворотный момент был достигнут [...], ядерная гонка началась среди союзников, поскольку нацисты никогда не принимали в ней серьёзного участия».

Непростой союз между американцами и британцами

Гольдшмидт описывает борьбу не только между треугольным союзником Вашингтон – Лондон – Москва и их оппонентами из оси Рим – Берлин – Токио, но и между самими союзниками. Рассуждения учёного стали ключом для анализа Бартона Дж. Бернштейна,

приведённого в статье «The Uneasy Alliance: Roosevelt, Churchill, and the Atomic Bomb, 1940–1945», опубликованной в июне 1976 года в журнале *Western Political Quarterly*.

Бернштейн, заслуженный профессор истории Стэнфордского университета, подробно анализирует непростые отношения сотрудничества/конкуренции между американскими и британскими политическими властями в 1941–1945 годах. Используя недавно рассекреченные архивы, он утверждает, что после того, как в 1941 году британцы отказались от обмена информацией с американцами о ядерных исследованиях, в 1942 году ситуация изменилась на противоположную, и в 1943 году было достигнуто Квебекское соглашение, в рамках которого Рузвельт и Черчилль договорились, что англичане могут участвовать в разработке атомной бомбы, но не в индустриализации атомной энергии после войны. Тезис Бернштейна заключается в том, что Рузвельт, отнюдь не будучи вильсоновским либеральным интернационалистом, каким его часто пытаются представить, задумал для послевоенного периода такую глобальную политику своей державы, при которой только «два [мировых] жандарма» США и Великобритания обладали бы атомной бомбой и использовали её как угрозу в отношении других стран. В 1946 году, после смерти Рузвельта, президент Гарри С. Трумэн (1884–1972) прекратил партнёрство с британцами.

Великобритания, воюющая с Германией, не имела промышленных ресурсов для создания бомбы: зависимость этой страны от США в атомных отношениях была символом её упадка как великой державы, и по этой причине она согласилась на сотрудничество с американцами в 1943 году, пусть и в подчинённой роли. По мнению Бернштейна, навязывание британцам своих условий было для США символом их доминирования в западном мире и желания относиться к союзникам не как к равным. Для американцев атомная бомба была не только инструментом войны против держав Оси, но и средством давления на своих союзников в войне – Великобританию и СССР.

Квебекское соглашение

В переговорах с Рузвельтом Черчилль попытался отстоять интересы Британской империи против исторической тенденции к её необратимому упадку, но он понимал, что для защиты Британии от Германии ему придётся согласиться, хотя и неохотно, на роль младшего партнёра, получающего американскую экономическую и военную поддержку.

В период с июля 1942 года по июль 1943 года проект «Манхэттен» перешёл под контроль военных. Рузвельт пошёл против них и своих научных советников, которые в 1942 году выступали против ядерного сотрудничества с Британией, и в 1943 году заключил союз с Черчиллем, подписав Квебекское соглашение, чтобы создать ядерную дуополию США и Великобритании, которая исключала СССР и навязывала свои условия остальному миру, в том числе союзникам.

В отличие от своих узколобых научных и военных советников, Рузвельт был политиком с мировым видением соотношения сил: он знал, что Ан-

глия – это не только остров с менее чем 50-миллионным населением, но и центр Британской империи, насчитывающей около полумиллиарда жителей (почти четверть населения мира), против 130 млн в США. Роль британских колониальных войск во второй мировой войне была значительной: в передаче под названием «Вклад Индии во Вторую мировую войну был проигнорирован?» от 17 июня 2015 года BBC сообщала, что колониальная армия Британской Индии насчитывала 2,3 млн солдат, из которых 89 тыс. сложили голову. Оценки военных потерь во второй мировой войне неточны и противоречивы, но нас интересует порядок величины: Британская энциклопедия говорит о 373 тыс. погибших со стороны Британской империи и 272 тыс. погибших со стороны США. Эти цифры говорят нам о том, что человеческий вклад Британской империи в военные усилия против держав Оси был равен вкладу молодого американского империализма или даже превосходил его. Если, как утверждает Бернштейн, Рузвельт, ведя переговоры с Черчиллем, рассуждал с точки зрения соотношения сил, то он прекрасно понимал, что последний управляет не только Соединённым Королевством, но и Британской империей. При этом Рузвельт не стеснялся использовать её слабости.

В Квебекском соглашении от 19 августа 1943 года Великобритания и США обязались никогда не применять атомную бомбу друг против друга, а также без взаимного согласия не применять её против третьих лиц и никогда не сообщать третьим лицам никаких сведений об атомном оружии. Они признали, что, когда бомба наконец будет готова, она будет использована против японцев (Baggott J. *Atomic: The First War of Physics and the Secret History of the Atom Bomb, 1939–49*, 2009).

За использование атомной бомбы для удара по Хиросиме и Нагасаки британский империализм несёт моральную ответственность наравне с американским, поскольку Черчилль дал своё официальное согласие, как того требовало Квебекское соглашение (Preston D. *Before the Fallout: From Marie Curie to Hiroshima*, 2005). Возникает вопрос: если бы англичанам и американцам удалось закончить создание бомбы на год раньше, сбросили бы они её на Берлин? Бомбардировка Дрездена наводит на такие мысли. В ночь с 13 на 14 февраля 1945 года в Дрездене от обычных бомб погибло 135 тыс. немцев по сравнению со 120 тыс. японцев, погибших при бомбардировке Хиросимы и Нагасаки (некоторые оценки значительно выше).

Квебекское соглашение санкционировало упадок Великобритании как великой мировой промышленной державы. Чтобы получить возможность осуществлять полный обмен информацией о научных исследованиях и разработках с США, англичане добровольно приняли на себя ограничения на передачу важной информации о проектировании, строительстве и эксплуатации крупномасштабных заводов по производству бомб, а также ограничения на коммерческое и промышленное использование атомной энергии в Великобритании после окончания войны.

Lotta comunista, сентябрь 2022 г.

Дозированные интервенции в защиту мультилатерализма

Мы публикуем серию статей наших французских товарищей из газеты L'Internationaliste.

Эмманюэль Макрон совершил визит в США с 29 ноября по 2 декабря. По случаю этой поездки президент заявил в интервью газете *Le Parisien*: «Я приехал как рупор французской и европейской промышленности». Его главная цель состояла в том, чтобы «совместно [с американцами] найти [...] конкретные решения» ситуации, сложившейся после принятия Акта о снижении инфляции (IRA), программы промышленной политики, подвергнутой резкой критике в Париже. Макрон выразил надежду, что для Европы будут предусмотрены такие же исключения, как для Мексики и Канады. Франция как председатель Совета ЕС настаивает на более интервенционистской промышленной политике в Европе, продолжая при этом поддерживать мультилатерализм и либералистский цикл.

Выступление перед Европой

Деловая газета *Les Echos* приводит слова источника в Елисейском дворце о том, что целью поездки президента была «ресинхронизация» американской и европейской повестки дня с целью выстроить «не только честную, но и ориентированную на стратегию конкуренцию между США и Европой». По данным *Les Echos*, Макрон хотел бы убедить партнеров в том, что более сильная Европа будет выгодна США, учитывая их приоритетность их положения в Индо-Тихоокеанском регионе и по отношению к России. Президент уверяет, что «*послание, направляемое американцами*» – это «*сделайте свой IRA*».

Французская пресса единодушно интерпретирует эту поездку президента как послание прежде всего самим европейцам. Высказывается мнение, что Макрон стремится продемонстрировать присутствие американского соучастия в его европейских планах и будет использовать надежду на близость с Джо Байденом для поддержки своего *Buy European Act*, хотя переход к такой радикальной политике считается большинством аналитиков маловероятным.

Однако, согласно *Le Monde*, Макрон вернулся из поездки, не добившись больших успехов. В связи с этим французская пресса опасается, что «*делай как мы*» американской администрации в адрес французских лидеров – это скорее ядовитая вылазка: ничто так не разделяет европейцев, как их взгляды на конкуренцию и протекционизм.

На прошедшем 15 декабря саммите 27 лидеров обратились к Европейской комиссии с запросом о представлении плана действий к концу января для его осуществления в феврале. Урсула фон дер Ляйен несколькими днями ранее уже заявила о своей готовности смягчить европейские рамки государственной помощи и создать суверенный фонд благосостояния, несмотря на разногласия по этому вопросу.

Либеральный порядок

На фоне того, что такие концепции, как «*промышленная политика*» и «*протекционизм*», снова входят в моду,

возможно, будет полезно посмотреть, как эти явления рассматриваются экономическими историками. Их анализ в определенной степени влияет на общее видение истеблишмента по данным вопросам.

По мнению американского историка Ричарда Ф. Кюзела (*«Capitalism and the State in Modern France: Renovation and Economic Management in XX century»*, 1984), во время исторического перелома в начале XX века, периода, который мы называем наступлением империалистической фазы, Франция культивировала смесь либерализма, унаследованного от революции 1789 года, и протекционизма, это происходило в контексте демографической инерции, которая продлится до периода после второй мировой войны.

С точки зрения автора, который определяет этот период французской истории как период «*либерального порядка*», действия государства характеризовались «*ограниченностью*»: «*В отличие от других государств, и в частности имперской Германии, Третья республика не играла роль поборника промышленной экспансии*». Единственным отклонением от либеральной политики были определенные протекционистские, но не интервенционистские действия. Хотя государство, учитывая массу его работников и огромный объем проводимых им финансовых операций, действительно имело важный вес в экономике, напротив, в её регулировании, в определении направления развития экономики, в управлении предприятиями и их функционированием его активность была сведена к минимуму. Государство владело мануфактурами, унаследованными от старого режима, в соответствии с кольтертистской традицией, управляло транспортом, выделяло участки для общественных работ, но не имело современной промышленной политики, направленной на формирование сильных экономических чемпионов посредством поддержки, льгот и давления. «*С точки зрения размера производственных единиц, страна отставала от ведущих промышленных держав: Великобритании, США и Германии*».

В работе «Империализм как высшая фаза капитализма» Ленин определяет французский империализм, несмотря на определенную финансовую централизацию, как «*ростовический империализм*»¹, «*в отличие от английского, колониального, империализма*». Французский капитал «*помещён главным образом в Европе и прежде всего в России [...], причём преимущественно это – ссудный капитал, государственные займы, а не капитал, вкладываемый в промышленные предприятия*»².

По мнению Кюзела, основная философия действий государства не претерпела значительных изменений до второй мировой войны, несмотря на появление оставшихся в меньшинстве технократических течений, выступающих за государственное вмешательство для повышения промышленной концентрации.

После 1945 года, с началом того, что мы называем циклом государственно-капитализма, в политических течениях, возникших из Сопротивления, и

в политическом классе в целом сложился консенсус вокруг того, чтобы поставить страну на путь некоторой формы дирижизма, критикуя «мальтузианство» довоенной буржуазии.

Хотя в начале 1900-х годов Франция не была «империализмом бедняков», преимущество, которым располагали её основные конкуренты, заставило страну проводить политику догоняющего развития, чтобы сохранить свои мировые позиции.

Различия между моделями

В своём тексте «Франция – Германия: трудная конвергенция» (Peter Lang, Berna, 2015) Мишель Хау, профессор Страсбургского университета, ставит под сомнение разницу между немецкой и французской моделями. По его мнению, Германия исторически была более открыта для внешней торговли, чем Франция. До создания Таможенного союза и национального объединения небольшие государства долины Рейна не располагали большим внутренним рынком. В отличие от Франции, их буржуазия, уже динамично развивавшаяся до промышленной революции, смотрела вовне и была вынуждена приспосабливаться к реальности развивающегося мирового рынка. После объединения Германия стала морской и экспортной державой: в 1913 году немецкая промышленность экспортировала треть своей продукции, прежде всего в более развитые страны. Начиная с XIX века, наряду с крупными концернами и будущими картелями формировались *Mittelstand* – конкурентоспособные малые и средние предприятия.

По словам Хау, «*после 1945 года обе страны сделали диаметрально противоположные выводы из второй мировой войны: Франция вернулась к дирижистской традиции, [...] в то время как Германия заново открыла свою старую культуру торговых городов после перерыва на военную экономику*». В этом интервенционистском цикле французская сторона сделала выбор в пользу национализации ключевых промышленных секторов и государственного контроля над кредитными механизмами для направления инвестиций. «*Форсированная модернизация промышленности, проводимая под давлением государства, шла рука об руку с ослаблением автономии частных компаний*»: они облагались более высокими налогами, чем их немецкие коллеги. Государство использовало этот рычаг для направления промышленной политики. В Германии типичное государственное вмешательство в духе ордолиберализма сочетает в себе определённую свободу выбора для компаний с предоставлением значительной помощи со стороны федерального государства и земель.

Французское отставание

Хау сетует на то, что «*после блестящего периода 1960-х годов, когда Франции удалось сократить разрыв в экономической мощи*» со своим соседом, «*движение началось снова, но в противоположном направлении*». С началом либералистского цикла и окончанием эпохи дирижизма стало накапливаться отставание французской промышленности от немецкой, несмотря

на то что крупные французские компании, которые только что были приватизированы, включились в поток глобализации и создали филиалы по всему миру. Что касается уровня корпоративного налогообложения, то он остался неизменным.

Несмотря на различия в моделях, историк отмечает определённую конвергенцию между положением дел в Германии и во Франции в послевоенные десятилетия: «*Углубление европейской интеграции в конечном итоге вынудило французские правительства принять, не осмеливаясь открыто говорить об этом, правила работы, которые приблизили французскую экономику к немецкой. После отказа от протекционизма в 1958 году французское общество отказалось от инфляции в 1983 году, дирижизма в 1986 году, конкурентных девальваций в 1992 году, монетарного суверенитета в 1999 году и, наконец, в 2013 году – от политики оживления экономики за счёт государственных расходов*».

Эти этапы являются частью того, что мы назвали «*европейской закономерностью немецкой реструктуризации*».

Хау соглашается со звучащей сегодня либеральной критикой тенденции к превращению более высоких налогов, взимаемых государством с компаний, в постоянные. Из-за этого, утверждает он, с 1945 года французские капиталисты фиксировали более низкие показатели прибыли. Отметим, однако, что именно способность французских экономических групп достичь уровня наиболее эффективных капитализмов, когда эти группы были предоставлены сами себе, послужила причиной сильного послевоенного дирижизма, который позволил создать множество «национальных чемпионов».

Хотя Германию часто представляют как образец либерализма, мы можем отметить, что на протяжении XX века в Германии существовало государственное экономическое вмешательство, которое, благодаря объективной прочности капиталистической ткани, смогло обойтись без радикальных методов лечения во французском стиле. Какие дозировки могут быть согласованы в европейском масштабе? Макрон, похоже, не хочет отказываться от снижения корпоративных социальных и налоговых отчислений. И хотя он выступает за увеличение государственных инвестиций, массовые национализации не стоят на повестке дня. Осознавая, что промышленная ткань Франции исторически отличалась большей слабостью, сможет ли французская экономика частично наверстать свою промышленную отсталость в империалистическом сражении?

Оказавшись в ловушке между страхом экономического деклассирования и политической маргинализации, Париж мечтает о восстановлении путём использования европейского империализма в рамках реструктуризации по «немецкому образцу».

Lotta comunista, декабрь 2022 г.

1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 362.

2 – Там же. С. 361.

Традиции и актуальность коалиции статус-кво

2023 год должен был начаться с того, что обладающая сильными позициями исполнительная власть была бы вынуждена запустить пенсионную реформу, целью которой является повышение пенсионного возраста. Провести реформу рекомендовала Европейская комиссия, так как по сравнению с другими странами ЕС французская ветвь европейского империализма отстаёт в данной области и, учитывая уровень бюджетного дефицита и государственного долга, имеет меньшую свободу действий в отношении бюджета, чем более экономически динамичные страны ЕС.

По данным немецкой газеты *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, расходы на пенсии во Франции составляют 13,4 % ВВП по сравнению с 10,4 % ВВП в Германии; уровень занятости людей в возрасте от 60 до 64 лет почти на 30 процентных пунктов ниже, чем на другом берегу Рейна, и почти на 10 процентных пунктов ниже, чем в Италии. Ожидаемая продолжительность жизни после выхода на пенсию во Франции, в зависимости от пола, на 3–4 года выше, чем в Германии. Пенсии во Франции являются первой статьёй расходов бюджета. Таким образом, это важнейшая область для европейской реструктуризации и империалистического противостояния, особенно в условиях определения новых дозировок государственного интервенционизма в основных центрах унитарного империализма.

Бюрократическая буржуазия

Запуск реформы должен спровоцировать оборонительную борьбу со стороны некоторых отрядов нашего класса. Однако в буржуазном политическом ландшафте есть сильная партия статус-кво, которая надеется пожать электоральные и идеологические плоды от непопулярных реформ.

В интервью еженедельному изданию *Le Point* левоцентристский историк Мишель Винок критикует склонность французов сочетать требование к государству о социальной защите с бунтарским индивидуалистическим менталитетом. По его мнению, «французы – анархо-бонапартисты».

Эта социально-сопоставительская традиция вытекает не только из богатой событиями социальной истории страны, но и из некоторых особенностей французской буржуазии и её истории.

В письме Энгельсу от 27 июля 1854 года Маркс рецензирует книгу 1853 года «История происхождения и успехов третьего сословия» Огюстена Тьерри, которого он назвал «отцом «классовой борьбы» во французской историографии». Маркс комментирует: «Очень недурно изложено, хотя без соответствующих обобщений, как [...], по крайней мере с момента возвышения городов, французская буржуазия становится особенно влиятельной благодаря тому, что организуется в виде парламентов, бюрократии и т. д., а не так, как в Англии, благодаря одной торговле и промышленности. Это безусловно характерно даже и для современной Франции»¹.

Напомним, что в дореволюционной Франции парламенты одновременно были и судами. Сегодня в историографии существует единое мнение о том, что французской буржуазии свойственно служить государю и государству. В период абсолютизма при-

обретение должностей было хорошим способом обогатиться и позволяло получить дворянский титул. Бюрократический титул «дворянина мантии» существовал с традиционным титулом «дворянина шпаги». Такие условия, развившие политическое чувство класса, стали одной из причин дефицита экономического сознания в буржуазных дебатах во Франции. Экономика часто рассматривалась, в первую очередь, как необходимость для политического величия страны.

Статус-кво и конкуренция

По мнению некоторых авторов, слабость экономического мышления во Франции также связана с нынешней социальной структурой страны. В книге 2015 года «*France-Allemagne: la difficile convergence*» профессор Страсбургского университета Мишель Хау утверждает, что «деиндустриализация способствовала усилению этой особенности французского общества: доля населения, занятого в секторе, подверженном международной конкуренции, в период с 1975 по 2009 год упала с 47,5 до 35 %, в то время как занятость в государственном секторе выросла с 18 до 31 %. Без диалектического видения эти данные кажутся парадоксальными: по мере выхода из цикла государственного капитализма и открытия либеристского цикла, и усиления централизации финансового и промышленного капитала разрастается паразитизм, характерный для империалистической фазы.

Далее автор цитирует Жан-Клода Трише, бывшего президента ЕЦБ: «Когда вы работаете в экспортно-ориентированной компании, подверженной международной конкуренции, как большинство немецких компаний, устанавливается прямая связь между конкурентоспособностью вашей компании и защитой вашего рабочего места. Если ваше рабочее место не находится под угрозой, вы можете искренне думать, что между конкурентоспособностью вашей компании и вашим рабочим местом нет никакой связи».

Степень открытости

Однако необходимо прояснить эти довольно односторонние заявления. По вопросу открытия к европейской и глобальной среде, как гласят два документа Национального института статистики и экономических исследований Франции (Insee), существует не столько французская особенность, сколько разделение Европы, основанное на размере стран. Согласно этому прочтению, исключением скорее является Германия – единственная демографически большая страна с большой степенью открытости.

В документе «*La France dans l'Union européenne*» (2019) говорится, что в 2017 году «показатель экспорта, характеризующий степень открытости страны для международной торговли», «сильно» различался внутри ЕС. «Эти различия объясняются несколькими факторами, в первую очередь размером стран. Так, небольшие по численности населения или площади страны, как правило, имеют более высокий уровень экспорта: в Люксембурге, Мальте и Нидерландах показатель даже превышает 100 %, – в то время как в крупных странах, таких как Великобритания, Франция, Италия и Испания,

этот показатель составляет от 30 до 34 %». Германия же «выделяется значительно более высоким уровнем экспорта (47 %), что связано со значительным весом обрабатывающей промышленности в экономической деятельности страны». Страны Восточной Европы занимают отдельное место благодаря их интеграции с немецкой производственной машиной. Например, Польша, «хотя географически и обширная, занимает особое положение с уровнем экспорта в 96 %».

В «*La géographie des échanges commerciaux de biens au sein de l'Union européenne*» (2019) сообщается, что в 2016 году «показатель торговой открытости» четырёх основных членов зоны евро составлял «от 21 до 24 пунктов ВВП в случае Франции, Италии и Испании и достигал 35 пунктов в случае Германии». Другие давние страны еврозоны, «имеющие меньшую площадь и экономический вес, явно более открыты со средним показателем в 48 пунктов ВВП».

Мы можем предположить, что некоторые «малые» страны, будучи более зависимыми от экономической конъюнктуры, более чувствительны к вопросам конкурентоспособности, чем большинство крупных стран, опирающихся в большей степени на свой внутренний рынок. Открытость Германии – экономическая основа её политической силы в Европе является исключением среди крупных государств и служит образцом и моделью для французских реформистов, продвигающих программу европейской реструктуризации.

Империалистическая идеология

Это не может скрыть специфику укorenённого французского этатизма, хотя тенденция к усилению государственного вмешательства наблюдается во всех империалистических странах. В статье «Загнивание империалистической идеологии» (июнь 1977) Ариго Черветто указывал, что с концентрацией капитала и обострением международной конкуренции государство вынуждено всё больше вмешиваться в экономику.

«В этой точке империалистической эволюции капитализма возникает ряд идеологий, оправдывающих действия государства». Доимпериалистическая либеральная идеология «открыто утверждала, что политическая воля следует за экономикой. Империалистическая идеология, напротив, должна утверждать, что политическая воля предшествует экономике и предопределяет её». Таким образом, «максимальной детерминированности со стороны экономики соответствует максимум политического действия»².

Эта идеология особенно ярко проявляется на электоральной арене. После президентских и парламентских выборов политолог Люк Рубан опубликовал книгу «*La vraie victoire du RN*». По его мнению, наступление крайне правых происходит на перекрёстке французской традиции и европейского политического цикла.

Наступление «Национального объединения»

Франция «никогда не была столь либеральной, как Великобритания, чьи элиты, уже с XVI века сделали ставку больше на международную торговлю, нежели на государство». «Во Франции элиты, скорее, способствовали построению и укреплению суверенитета, мо-

нархического или республиканского». Сегодня автор наблюдает «фундаментальную трансформацию» отношения к политике: «Значительная часть электората рассматривает её не как борьбу идей и идеалов, но как средство выбора того, кто предложит государственную политику, наиболее соответствующую их потребностям или ожиданиям». Более того, на нынешнем этапе, который мы определяем как кризис социал-демократизации, «билет» в государство всеобщего благосостояния становится центральным вопросом».

По мнению Рубана, «Национальное объединение» (НО) – это «единственный реальный победитель» последнего избирательного цикла. Только эта партия усвоила урок «демонстраций 2018 и 2019 годов, ускользнувших от внимания партий и профсоюзов, неконтролируемых, часто насильственных, атаковавших не капиталистов, а государство и налоговые органы».

Марин Ле Пен «значительно увеличила электоральный охват, собрав вокруг своего имени на 1,5 миллиона голосов больше, чем в 2017 году». Наблюдается электоральное проникновение НО «в социальные круги, где исторически оно слабо присутствовало, например, в высшие социально-профессиональные категории, в среду выпускников университетов высшего уровня или государственных служащих, среди которых выпускников в среднем больше, чем среди наёмных работников частного сектора». Таким образом, «НО становится преимущественно партией высших слоёв среднего класса», которые сегодня составляют 52 % её электората.

Расширение межклассовой электоральной коалиции за счёт этих слоёв является необходимым условием для того, чтобы эта партия смогла пробить стеклянный потолок французской двухтуровой мажоритарной избирательной системы.

Lotta comunista, январь 2023 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 28. С. 321–322.

2 – Реакционный терроризм, империалистический европеизм, коммунистический интернационализм. АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2018. С. 27–28.

Guido La Barbera
Новая стратегическая фаза

316 страниц, мягкий переплёт,
4 карты, хронология, библиография,
биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-2-1

Цена 350 руб.

Пенсионная реформа и военное лидерство

В конце января комментарии буржуазной печати по поводу годовщины подписания Елисейского договора в Париже имели горько-сладкий привкус. *L'Opinion* праздновала возвращение в повестку темы франко-немецкого мотора, *Le Monde* же, напротив, отмечала, что в годовщину не было сделано никаких важных заявлений и что доброй воли Эмманюэля Макрона и Олафа Шольца не хватило, чтобы создать убеждение, что рейнская ось снова в строю и способна повести за собой Европу.

Французский "Zeitenwende"?

Фактически громкое заявление было сделано вскоре после празднования дня подписания договора и носило национальный характер: французский президент объявил об увеличении оборонных расходов на треть. Закон о военном планировании предусматривает выделение в общей сложности 413 млрд евро в период 2024–2030 годов. По мнению *Le Monde*, это «бюджет военного времени», а *Les Echos* считает, что Франция «переворужается» и посылает «сигнал не только европейцам, но и американцам: вы можете рассчитывать на нас как на большую страну, входящую в НАТО». Макрон объявил о направлении части средств на модернизацию сил ядерного сдерживания и на преобразование вооружённых сил из экспедиционного корпуса в армию, пригодную для ведения современных боевых действий высокой интенсивности.

Является ли объявление эквивалентной цифры ответом на 100 млрд евро военных инвестиций в течение нескольких лет, объявленных Шольцем в рамках его «Zeitenwende»? В Париже заявление канцлера было воспринято как обоюдоострый меч: с одной стороны, похвалили увеличение военных инвестиций Германии, чего давно требует Франция, с другой – опасаются, что, несмотря на статус ядерной державы, Париж теряет своё военное лидерство в ЕС, а Берлин чрезмерно проявляет атлантистский тропизм или же ищет способ действовать самостоятельно.

Это противоречие рассмотрено в статье «Первая стратегия безопасности Германии: что поставлено на карту для Франции и Европы?», опубликованной в ноябре 2022 года отделом изучения Германии мозгового центра IRIS (Института международных и стратегических отношений). Автор статьи – Гезине Вебер, научный сотрудник парижского офиса Германского фонда Маршалла США – института, являющегося атлантистским по своей природе, но парижские представители которого, похоже, внимательно относятся к «французским» дозировкам в вопросах европейской безопасности.

Вебер пишет: «Это заявление вызвало размышления о возможном риске [sic!] превращения Германии в ведущую военную державу Европы», – но, добавляет она, следует отметить, что «эти инвестиции в основном будут служить для заполнения пробелов в военном потенциале и позволят ей выполнить свои обязательства перед партнёрами». Выбор Берлина в отношении военного потенциала «может стать либо катализатором, либо тормозом для промышленной и технологической базы европейской обороны». По мнению Вебер, первые решения Германии: покупка американских самолётов F-35 и запуск противоракетного щита, состоящего из американских, немецких и из-

раильских систем, – на данный момент указывают на вторую гипотезу. Однако «у Германии нет реальной альтернативы трансатлантическому партнёрству, что объясняет её стремление поставить НАТО в центр политики безопасности». Даже если эта позиция подтвердится, то возможность, кажется, всё равно появится: Шольц подчеркнул «готовность Германии к дальнейшему участию в добровольческих коалициях, обладающих возможностями стран, что подразумевает определённую открытость Германии для ситуативных коалиций, особенно в рамках статьи 44 [Договора ЕС]», что позволяет обойти нежелание некоторых государств. Это «стало бы настоящим выигрышем для европейской обороны».

Асимметричная ось

Тома Гомар, директор Ifri (Французского института международных отношений, крупнейшего французского мозгового центра в сфере международных отношений), посвятил франко-немецкому вопросу часть своей последней книги «*Les ambitions inavouées*», опубликованной в январе. В ней он выражает обеспокоенность экономическим упадком Франции по сравнению с её соседом Германией, способной «осуществлять фактическую "полугегемонию" в ЕС».

Гомар пишет: «В том, что касается представителей моей профессии из немецких кругов, занимающихся разработкой стратегии, меня всегда поражало, с одной стороны, нежелание использовать термин "геополитика" из-за его исторической коннотации, а с другой – преобладание германо-американских дебатов над франко-германскими, что создаёт своего рода непонимание между Парижем и Берлином по некоторым вопросам, таким как «европейская стратегическая автономия». «Наша страна должна принять к сведению тот факт, что Германия для неё важнее, чем она для Германии».

Однако, с военной точки зрения, «нет уверенности, что 100 миллиардов евро будет достаточно для восстановления надёжных вооружённых сил в среднесрочной перспективе». По мнению Гомара, хроническое недофинансирование не может быть исправлено в короткие сроки. Германия заявляет о намерении взять на себя ответственность, но «действительно ли она хочет этого?»: «2030 год покажет нам, будут ли немецкие власти последовательны». Дата является окончанием периода действия французского закона о военном планировании.

Европейские пенсии

Гомар небезосновательно утверждает, что «во Франции более склонны мыслить в понятиях "ранга"». Параллельно с объявлением об увеличении расходов на оборону правительство запустило пенсионную реформу, целью которой является повышение пенсионного возраста с 62 до 64 лет и увеличение количества кварталов, накопление которых необходимо для получения права на полную пенсию. Франсуаза Фрессо из *Le Monde* отмечает, что Макрон считает, что цель «заставить французов больше работать соответствует его желанию сделать Францию и Европейский союз более суверенными». Сторонники реформы почти постоянно утверждают, что её необходимость продиктована отставанием Франции в европейской реструктуризации.

Жан-Пьер Робен из *Le Figaro* утверждает, что во Франции государство «в широком смысле» – оборона, полиция, правосудие, образование, здравоохранение – является жертвой ноши социальных расходов. По его мнению, они составляют 37,4 % ВВП по сравнению со средним показателем 31,5 % в еврозоне; одна треть этих расходов приходится на пенсии.

Газета *Les Echos* указывает на то, что «настоящая цель реформы» – «повышение уровня занятости среди пожилых людей»: на данный момент во Франции он слишком низок, что «объясняет наш упадок». В своей статье, опубликованной в *Le Monde*, экономист и бывший советник Европейской комиссии Пьер Бюиг утверждает, что в этом вопросе Франция сейчас является одной из «стран Южной Европы». Именно уровень занятости определяет «размер расходов на пенсии, а не установленный законом пенсионный возраст», поскольку «допускаются многочисленные исключения».

Различия в уровнях занятости пожилых людей значительны между севером и югом континента: для людей в возрасте от 55 до 64 лет среднеевропейский уровень составляет 60,5 %, но в Швеции он достигает 76,9 %, в Дании 72,3 %, в Германии 71,8 %, в Нидерландах 71,4 % против 55,9 % во Франции, 55,8 % в Испании и 53,4 % в Италии. По данным Бюига, расходы на пенсии составляют 14,4 % ВВП Франции и 14,5 % ВВП Италии против 11,3 % в среднем по Европе, 7,4 % в Нидерландах, 9,6 % в Швеции, 10,8 % в Дании и 10,9 % в Германии.

Продолжающаяся реформа

Frankfurter Allgemeine Zeitung утверждает, что именно этот «страх упадка» делает реформу непопулярной и способствует борьбе за защиту социальных достижений. Однако, по мнению этой немецкой консервативной газеты, масштабы протеста несоизмеримы с проектом реформы, которую на немецкой стороне Рейна считают скромной.

Мы отмечаем, что европейскую реструктуризацию во Франции пытаются проводить последовательными толчками, а не шоком одной радикальной реформы. В статье, опубликованной на сайте *Telos*, экономисты Жильбер Сетт и Эли Коэн утверждают: «В течение как минимум тридцати лет, начиная с реформы Балладюра 1993 года, мы переживаем продолжающуюся пенсионную реформу во Франции». Таким образом, в этом вопросе европейское принуждение действует на все правительства вне зависимости от политической окраски.

Следует также помнить, что Еврокомиссия недавно посоветовала Франции провести реформу своей пенсионной системы. Успех программы реформ во Франции – это не только вопрос бюджета, но и одно из условий возрождения авторитета французского империализма в момент обсуждения важнейших вопросов о государственной поддержке промышленности или о безопасности на континенте. Можно даже сказать, что эта реформа является фактором в сражении за европейскую оборону.

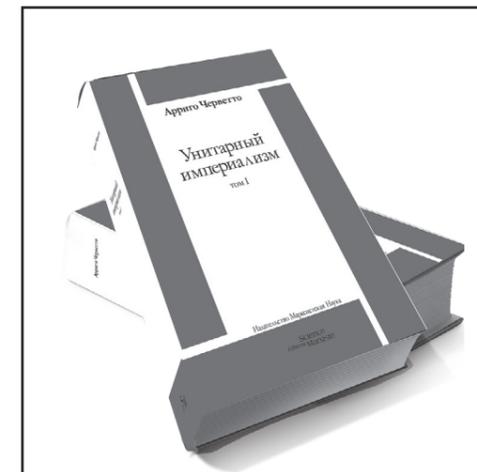
Исключительные возможности

Правительство имеет лишь относительное большинство в нижней палате парламента и, по сообщениям прессы,

до сих пор не смогло собрать достаточно голосов для принятия законопроекта, представленного парламенту в начале февраля. Левая коалиция, а также Национальное объединение (НО) выступают против повышения пенсионного возраста, в то время как правые «Республиканцы», отказавшись от своих прошлых программ, требуют «социальных» уступок. Однако правительство обладает исключительными полномочиями для реализации своих мер даже без согласия Национального собрания. Поскольку пенсионная реформа представлена как часть проекта бюджета, исполнительная власть может принудительно её протолкнуть, используя статью 49.3 конституции. Кроме того, также была использована статья 47.1, позволяющая ускорить рассмотрение закона и дающая право принять его указом в случае парламентского блока.

Что касается нас, то мы считаем, что необходимым условием для предотвращения перекалывания бремени европейской реструктуризации на плечи наёмных работников, а также для разоблачения попыток парламентских партий, представляющих собой широкую коалицию статус-кво, использовать видимую оппозицию пенсионной реформе для своей электоральной демагогии, является классовая автономия.

Lotta comunista, февраль 2023 г.

Арриго Черветто УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ. ТОМ 1

2005, 796 страниц,
супербложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-14-X

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ. ТОМ 2

2005, 736 страниц,
супербложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

Парижский наблюдательный пункт

Демографический закон общества империалистической зрелости во Франции

На фоне пенсионной реформы во Франции возникают более широкие дебаты о демографических тенденциях.

Снижение естественного прироста

Несмотря на меры поддержки рождаемости, введённые французской буржуазией, определённый нами демографический закон общества империалистической зрелости начинает наносить ущерб. Эти меры имели определённую эффективность и позволили по крайней мере на поколение отсрочить последние обвала рождаемости, зафиксированного в других европейских странах.

Согласно последним данным, опубликованным статистическим институтом Insee, естественный прирост населения в 2022 году был наихудшим с 1946 года (+56 тыс.). Миграционный прирост, в свою очередь, составил +161 тыс. Во Франции проживает 68 млн человек, что на 0,3 % больше, чем в 2022 году, однако рост смертности сочетается с сокращением рождаемости. Число женщин детородного возраста держится на стабильном уровне, поэтому снижение рождаемости объясняется индексом рождаемости, который сейчас стабилизировался на уровне 1,8 ребёнка на женщину против 1,84 в 2021 году и 2 ребёнка на женщину 10 лет назад.

Поэтому миграционный вопрос становится всё более жизненно важным как для европейского империализма в целом, так и для французского империализма в частности. Предстоящий закон об иммиграции, предложенный правительством, будет сочетать продиктованные электоральными целями репрессии в отношении иммигрантских слоёв нашего класса с определённой открытостью по отношению к так называемым рабочим местам «под давлением». Дозировки этого коктейля являются частью демографического торга в Национальной ассамблее и Сенате.

Глобальная проблема

В связи с этим газета *Le Monde* опубликовала материалы о старении населения. В них сообщается, что «демографическая параболa Франции вызывает много вопросов: внезапная несамодостаточность, нехватка рабочей силы, стагнация сбережений». Эти важные вопросы останутся «на заднем плане» в текущих дебатах о пенсионной реформе.

«Франция стареет и стареет быстро»: в 2023 году в стране будет «26 % людей старше 60 лет, каждый четвёртый житель», а в 2040 году «почти каждый третий». Также возникает проблема несамостоятельности пожилых людей. Согласно оценкам, опубликованным *Le Monde*, «помощь этим несамостоятельным пожилым людям может обойтись почти в 31 миллиард евро в 2040 году – сумма, складывающаяся из автоматического увеличения расходов на социальное обеспечение в связи со старением населения».

Газета цитирует заметку, опубликованную институтом France Stratégie, связанным с правительством: «Если бы в 2019 году Франция имела возрастную пирамиду, прогнозируемую к 2040 году, ей пришлось бы потратить на 100 млрд евро больше» и в то же время столкнуться с сокращением налоговых поступлений на 20 млрд евро «из-за уменьшения числа

экономически активного населения». Для сравнения напомним, что общие пенсионные расходы, являющиеся первой статьёй государственного бюджета и социального обеспечения, в настоящее время составляют более 300 млрд евро. Согласно правительственным данным, нынешняя реформа пенсионной системы направлена на восполнение ожидаемого к 2030 году бюджетного дефицита в размере 13,5 млрд евро.

Le Monde напоминает о прогнозируемом дефиците на рынке труда: «Исследование, проведённое Управлением исследований, изучения и статистики (Dares) при Министерстве труда, показывает, что к 2030 году по сравнению со средним показателем в 760.000 вакансий только 640.000 молодых людей выйдут на рынок труда». И в этом отношении французский сектор европейского империализма постепенно нормализуется: трудоспособное население здесь, как и в других странах, будет характеризоваться нехваткой рабочей силы, что потребует всё большего обращения к иммиграции.

Переход по наследству

В цитируемой выше статье газета рассматривает концентрацию богатства среди старших слоёв населения. Эта концентрация постоянно критикуется в национальной прессе политологами и журналистами, которые ссылаются на необходимость «социальной сплочённости». Ситуация может привести к перекоосу: молодые работающие люди вынуждены тратить большую долю своих доходов на жильё, чем пожилые, с другой стороны, отчисления на выплату пенсий ложатся бременем на плечи работающих. Однако именно пожилые люди принимают наиболее активное участие в выборах. Эти люди, большинство из которых уже покинуло рынок труда, могут существенно повлиять на некоторые социал-империалистические решения правительств в ущерб государственной политике стимулирования производительности, необходимой для поддержания пенсионной системы. Например, текущая пенсионная реформа шадит более обеспеченных пенсионеров, представляющих собой решающий электоральный батальон «макронизма». Напряжение будет расти по мере увеличения необходимых расходов в связи со старением населения.

По данным *Le Monde*, норма накопления доходов у людей старше 70 лет достигает 25 % против менее 10 % у лиц моложе 40 лет: «Вот почему пенсионеры, 70 % которых владеют своим основным жильём, сегодня владеют более чем 60 % всего имущества». Считается, что на этих пожилых людей приходится большая часть из 6 трлн евро всех накопленных французами средств. «Эта ситуация беспрецедентна в экономической истории: традиционно большинство богатств принадлежало тридцати- и сорокалетним или людям среднего возраста».

Колумнист журнала *Le Point* Пьер-Антуан Дельомме недоволен сложившейся ситуацией и объясняет её увеличением продолжительности жизни: «В начале XIX века люди получали наследство от своих родителей в 25 лет, в начале XX века – в 30, после Второй мировой во-

йны – в 38, в 1985 году – в 42, а сегодня – в 51». Следует подчеркнуть, что объём этих наследств постоянно увеличивается: за последние 50 лет он вырос с 5 до 15 % национального дохода.

Европейские различия

Напомним, что во Франции доля собственников жилья составляет 58 %. По данным *Forbes*, «если разделить Европу на три зоны, то доля собственников в среднем будет составлять 87 % от общего числа в Восточной Европе, 71 % в Южной Европе и 60 % в Северной Европе». В Австрии показатель составит 57 %, в Германии – 53 %, что является самым низким уровнем в Европейском союзе. В отличие от данных по уровню занятости пожилых людей, который нынешнее правительство хотело бы повысить с помощью пенсионной реформы, по вопросу владения жильём Франция относится к категории северных стран. Следует также отметить, что на европейском уровне наблюдается разрыв между уровнем заработной платы и производительностью, с одной стороны, и расширением массы собственников, с другой.

Необработанные данные о владении жильём скрывают большое географическое неравенство и не дают точного представления о ситуации. Анализ этого неравенства может помочь лучше понять контрасты неравномерного регионального развития и связать их с результатами выборов.

Местные различия

Может отметить, что во Франции доля собственников жилья увеличивается по мере удаления от крупных городов. По данным Insee, 61,7 % жителей Парижа арендуют жильё. В пригородах этот показатель выше: например, 79,1 % в Женевилье, 77,8 % в Сент-Уане, 75,1 % в Обервилье и т. д. По мере удаления от городских центров уровень владения собственностью увеличивается. Таким образом, медианный уровень собственников в 35 тыс. французских коммун составляет 80 %. По мнению Кристофа Маркеса, директора отдела экономических исследований CM Analytics, цитируемого в документе Национального союза владельцев недвижимости, «этот разрыв между средним и медианным показателем можно объяснить значительным весом мегаполисов»: «В крупных городах, где проживает большая часть населения, процент собственников низок! Например, в коммунах с более чем 10.000 домохозяйств, составляющих всего 1 % от общего числа коммун, но 39 % от общего числа домохозяйств, средний показатель собственников составляет 41 %. Напротив, в небольших коммунах, где менее 1.000 домохозяйств, но на которые приходится 87 % от общего числа коммун и 24 % домохозяйств, средний показатель составляет 78 %».

Исследования, анализирующие корреляцию между электоральной ориентацией и уровнем доступа к собственности или наследству, немногочисленны и, как правило, слишком фрагментарны. Однако мы можем отметить некоторые, казалось бы, противоречивые элементы. С одной стороны, пожилые люди концентрируются в своих руках собственность и активы, но они относительно меньше голосуют за крайне правых, с

другой – больше голосов за крайне правых отдаёт в малых и средних городах, где самый высокий процент собственников, даже если рынок недвижимости там растёт медленнее, чем в крупных городах. Именно там сосредоточены экономический динамизм и самый сильный рост цен на недвижимость. Именно в этих районах проживают большие массы рабочих и офисных служащих, арендующих жильё. Многие из них являются иммигрантами и поэтому не фигурируют в электоральной статистике. Голосование за Национальное объединение в этих крупных городах исторически является маргинальным.

Все эти элементы помогают зафиксировать определённые характеристики ультраправого электората. Это, как правило, избиратель среднего возраста, часто собственник, проживающий в пригороде или в сельской местности.

Таким образом, борьба во втором туре между Эммануэлем Макроном и Марин Ле Пен на последних президентских выборах отразила противостояние двух оттенков собственного индивидуализма, далёких от карикатурного образа пауперизма, который европейские и американские идеологи всегда представляют в связи с резким ростом электоральной поддержки крайне правых.

Lotta comunista, март 2023 г.

Степанов Ю.М.

**Первый интернационал:
Международное товарищество
рабочих. 1864-1872**

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статьёй Д.Б. Рязанова «Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала»

(из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.